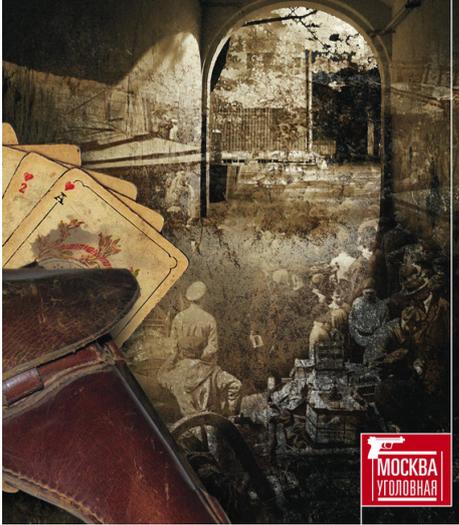

ЭДУАРД
ХРУЦКИЙ

ТАЙНЫ УСТАВШЕГО ГОРОДА

МОСКВА
УГОЛОВНАЯ

Эдуард Анатольевич Хруцкий Тайны уставшего города (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132651*

*Эдуард Хруцкий. Тайны уставшего города. История криминальной Москвы: Центрполиграф;
Москва, 2015*

ISBN 978-5-227-05135-6, 978-5-227-05131-8

Аннотация

Эдуард Хруцкий, известный журналист и писатель, много лет собирал материал о криминальной Москве: тайны московских квартир, скрытая жизнь руководства МГБ СССР, знаменитые воры и знаменитые сыщики, а также кровавые банды, свирепствующие в Москве, Галина Брежнева и «золотые мальчики», квартиры-катраны и короли металлоремонта восьмидесятых...

Содержание

Тайны уставшего города	5
Глава 1	5
Тайны уставшего города	5
Тени кафе «Домино»	12
Налет по наводке	19
Браслет мадам Рябушинской	24
Подкоп в новогоднюю ночь	30
Провинциальный детектив	36
Арестован в ресторане «Метрополь»	42
«С Новым годом, фраера!»	48
Как встретишь Новый год, таким он и будет	52
Глава 2	53
МУР есть МУР	53
Огонь на поражение	59
Ночь на краю света	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Эдуард Хруцкий
Тайны уставшего города.
История криминальной Москвы

© Хруцкий Э.А., наследники, 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

Тайны уставшего города

Глава 1

Криминальные тайны

Тайны уставшего города

Это как сон наяву...

В нем растворяются краски. Очертания становятся нереально зыбкими. Перемешиваются цвета и тени. Я иду по своему уставшему городу, и прошлое, словно обрывки снов, проецируется на старом штопаном экране кинотеатра «Смена», вместо которого нынче построен супермаркет.

И на этом экране я вижу Кузнецкий Мост. Не сегодняшний, многолюдный, с вывесками АО и банков, бутиков и супермаркетов, заполненный людьми и лотками с книгами.

Я вижу его залитым тусклым январским светом, заваленный сугробами. Витрины магазинов и окна домов, заклеенные бумажными перекрестьями, дымящие трубы буржуйек, выведенные в форточки.

Сорок третий год, зимние каникулы, мы втроем отправляемся в далекую экспедицию с Грузинского Вала на Кузнецкий Мост. Двое из нас едут за книгами, а третий – менять марки.

На Кузнецком Мосту рядом с продовольственным магазином ОРС-9, во дворе филиала Большого театра по воскресеньям бушевала книжная толкучка. Я ехал с надеждой выменять или купить «Графа Монте-Кристо» А. Дюма.

Я прочел только его первую часть и уже несколько месяцев бредил похождениями Эдмона Дантеса.

Мама выделила мне для этих целей квадратную банку американской пайковой колбасы, а дядька – четверку водки.

– Только не продешеви, за нее ты целый шкаф книг купишь, – засмеялся он.

Я уложил свою «валюту» в сумку от противогаза – тогда портфелей не было и все пацаны из нашей школы ходили на уроки с зелеными сумками через плечо – и ринулся на поиски мужественного Эдмона Дантеса.

Минут тридцать я толкался среди пестрого сборища чернокнижников, пока наконец меня не окликнул старичок в очках и вытертом зимнем пальто.

– Вы что-то ищете, молодой человек? – спросил меня человек неопределенного возраста.

– «Графа Монте-Кристо».

– Вам повезло, он у меня есть. Что вы можете предложить взамен?

– Четверку, – как опытный пацан с Тишинки, ответил я.

– Не понял?

– Четвертинку водки.

– Вы? – удивился старик.

– Я.

– Покажите.

Я расстегнул сумку и достал бутылку.

– А где вы ее взяли? – недоверчиво спросил старик.

– Дядька дал для обмена.

Водка в военные годы была страшным дефицитом. Старик достал книгу, протянул ее мне, взял четвертинку.

Подошел мордатый мужик в кожаном пальто.

– Смотри-ка, – сказал он, – довоенная. Ты, Гаврилыч, не обижай пацана, дай ему еще чего-нибудь.

– Возьмите. – Старик достал из порванного портфеля книгу. – Это «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна.

Я взял том, не веря своему счастью.

– Ты, пацан, если водочкой разживешься, гони сюда, мы тебе библиотеку соберем, – хохотнул мужик в кожаном пальто.

Я спрятал свои сокровища в сумку, застегнул ее на кожаный ремешок и с друзьями отправился в сторону Лубянки, где был марочный базар.

По дороге мы постояли у витрины комиссионки и полюбовались на бронзового орла. Здоровенная птица, раскинув крылья, смотрела на нас из глубины витрины сквозь наклеенные бумажные кресты.

Казалось, орла посадили в клетку и он никак не может разбить ее своими мощными крыльями.

Мы стояли и ждали. Пожилой продавец поглядел на улицу сквозь витринное стекло и включил электричество.

Глаза орла загорались злым желтым цветом.

И он уже казался не узником, попавшим в клетку, а хищником, нашедшим добычу.

Потом глаза его гасли, и орел снова становился несчастным и унылым.

Мы ездили на Кузнецкий за книгами и марками довольно часто и всегда ходили поглядеть на орла.

А в сорок седьмом, после знаменитой девальвации, он исчез из витрины. В том году исчезло многое. Люди, спасая деньги, скупали десятилетиями стоявшие в витринах неликвиды.

Улетела бронзовая птица.

Хозяин дома, обласканный Государственной премией СССР в области кинематографии, показывает мне в кабинете свои картины, редкие книги. Дом заполнен старыми вещами, дорогими и не очень, но все же безумно интересными. Большинство вещей он унаследовал от отца-академика, но не продал их, а, наоборот, приумножил семейную коллекцию.

На разные голоса отбивают время настольные, напольные, каретные часы, стоящие в разных комнатах.

– Пошли к столу, – торопит хозяин, – давай до общего сбора выпьем водочки.

Мы входим в гостиную, и в меня упирается желтый злой взгляд бронзовой птицы, стоящей на подставке из красного дерева.

Раскинутые мощные крылья, настороженно опущенная голова, хищные когти, впившиеся в постамент.

– Слушай, – говорю я, – это чудо мне знакомо.

Я пересказываю ему историю своих странствий в поисках книг.

– Точно, – хохочет хозяин, – тот самый орел.

– Как он к тебе попал?

– Не поверишь. У нас дача в Удельной, а сосед был крупнейшим московским артельщиком. Упакован, естественно, выше крыши. Он умер, а вдова начала распродавать некоторые вещи. Этого орла она вообще выбросить хотела, говорила, что он приносит несчастье. Покойный муж за огромные деньги за день до девальвации снял его с витрины. Давай выпьем.

Я выпиваю, подхожу к колонне, на которой сидит мой знакомец, и вижу на бронзовом постаменте надпись: «И. Я. Дриллиху в день юбилея от друзей из „Театрального кружка“».

– Наверное, антрепренер, – говорю я хозяину.

– Да бог с ним, давай еще по одной, пока гости не пришли.

Мы выпиваем еще по одной.

Когда-то он работал в прогрессивной газете «Киевская мысль». Начал там репортером и выбился в фельетонисты. Перо у него было острое, склад ума – язвительный, да и литературным даром был не обделен.

Присяжные поверенные, профессура, врачи-бессребреники, учащая молодежь с нетерпением ждут его публикаций. Он принят в домах киевской либерально мыслящей интеллигенции. Он прекрасно пишет, умеет говорить, имеет средства.

Но после убийства Столыпина «Киевскую мысль» начинает прессинговать Губернское жандармское управление, да и начальник Особого департамента полиции МВД империи полковник Еремин не очень доволен линией газеты.

Тучи начинают сгущаться.

Но ему везет. Его приглашает работать сам Иван Федорович Благов, редактор знаменитой газеты «Русское слово».

Так Иван Яковлевич Дриллих становится заведующим петербургским отделом газеты и занимает кабинет на втором этаже в доме «Товарищества Сытина» на Тверской.

Историю человека, которому к какому-то юбилею был подарен бронзовый орел, я приблизительно восстановил, работая в архивах, собирая материал для романа «Полицейский». И хотя сочинение мое было о русской сыскной полиции, мне попадалось огромное количество документов охранных отделений.

Но давайте продолжим историю Ивана Яковлевича Дриллиха.

Он переехал в Москву. После спокойного Киева жизнь бывшей столицы казалась горячей и нереальной.

В те годы в моду вошло танго. Томные мелодии неслись из закрытых клубов, ресторанов и кабаре.

Вся Москва стремилась попасть в Театр миниатюр Арцебушевой в Мамонтовском переулке, где выступала королева танго Эльза Крюгер.

После театров гуляющая Москва неслась к «Яру», там особо важным гостям отводили «пушкинский» кабинет: существовала легенда, что именно здесь Александр Сергеевич Пушкин и Аполлон Григорьев слушали цыган.

А ночью на моторах или «голубцах» – дальше по Петербургскому шоссе к светящемуся в темноте стеклянному куполу «Стрельны».

На рассвете ехали к Всехсвятскому – в «Гурзуф» или к «Жану».

То была ночная разгульная жизнь, но была и другая – театральная, литературная, общественная.

Заведующий петербургским отделом был принят в лучших домах Москвы, где собирались художники, писатели, журналисты, актеры и деятели нового вида искусства – кинематографа.

«Русское слово» считалось в Москве серьезной либеральной газетой, ее ведущие сотрудники были украшением любой интеллектуальной компании.

Иван Яковлевич быстро освоился в Москве. Он одевался в магазине австрийской фирмы Менделя. Шляпы и перчатки покупал только у Лемерсье, часы выбирал в магазине Павла Буре, фраки заказывал у Деллоса.

Он появлялся на премьерах в Художественном и у Корша, любил заглянуть на бега, был своим человеком в Английском, Охотничьем и Купеческом клубах.

Обязательно три раза в неделю заходил в «Роял кафе» в Камергерском переулке, дом номер 1.

Там дорогого гостя встречал сам хозяин, элегантный господин по фамилии Тихомиров. Он усаживал известного литератора за удобный стол и не гнушался выпить с дорогим гостем рюмку бенедиктина.

Иногда он что-то говорил Ивану Яковлевичу, и тот быстро выпивал кофе и уходил. Он шел по четной стороне Камергерского. Спокойно, не торопясь, постукивал тростью. Обычный московский фланер. Входил в подъезд последнего дома, поднимался по ковровой дорожке на второй этаж и входил в правую от лестницы квартиру.

Входил – и попадал в «кукушку», так на сыском сленге именовалась конспиративная квартира. Там его ждал лучший агентурщик политической полиции империи – начальник Московского охранного отделения полковник Мартынов.

Иван Яковлевич Дриллх в картотеке особого отдела МВД числился как секретный сотрудник под псевдонимом Блондинка.

Он был умный сотрудник. Так называемый «платник», то есть человек, получавший постоянное жалованье в охранном отделении. Получал Блондинка деньги немалые по тем временам – сто пятьдесят рублей.

Для сравнения приведу две цифры. Армейский подпоручик, окончивший Александровское военное училище, на выходе в полк получал девяносто рублей. Капитан, командир роты – сто двадцать.

Хорошим сотрудником был элегантный господин литератор с псевдонимом Блондинка, очень хорошим.

В свое время, читая всевозможные мемуары тех лет, я сталкивался с фамилией либерального литератора. Он был частым гостем в Ясной Поляне у Льва Толстого, навещал в Ялте Антона Павловича Чехова, его в своих очерках упоминает Леонид Андреев как одного из активистов Московского литературного фонда.

Есть эта фамилия и в переписке Алексея Толстого.

В 1916 году вместе с группой русских общественных деятелей Иван Яковлевич ездил к союзникам во Францию и Англию.

К истории, которую я хочу рассказать, Блондинка имеет самое непосредственное отношение. Я уже говорил, что Дриллх заведовал петербургским отделом. И вот он публикует заметку, что столичный промышленник Андрей Ковригин, страстный собиратель живописи, в Гааге в лавочке старьевщика приобрел за копейки валяющуюся среди хлама картину известного голландского художника XVII века Саломона ван Рюисдаля. В каталогах эта картина оценена в восемь миллионов франков. По тем временам деньги баснословные.

Картина, как излагал Дриллх, «написана на холсте длиною в один аршин и шириной десять вершков и изображает пейзаж с группой деревьев и прудом с плавающими утками. Несмотря на старину, картина прекрасно сохранила свежесть красок, общий колорит, прозрачный воздух, тени и мельчайшие отделки подробностей».

Далее говорилось, что редкое полотно стало жемчужиной коллекции господина Ковригина и находится в его доме на Шестой линии Васильевского острова, номер 21.

Вроде ничего особенного, заметка как заметка. Обычная информация петербургского отдела.

Так бы и жил либеральный литератор Иван Яковлевич Дриллх в свое удовольствие в Москве, посещал салоны, на Татьянин день в ресторане «Эрмитаж» произносил острые спичи, если бы не Февральская революция.

У полковника Мартынова на связи было восемь особо важных секретных сотрудников. В день смены власти он предупредил их и приказал исчезнуть из города. Их оперативные дела он изъясил из своего сейфа и уничтожил.

Когда толпа громила охранное отделение, а либеральные интеллигенты, возглавившие ее, судорожно уничтожали материалы о своей причастности к политохране, Иван Яковлевич пришел к Благову и сказал, что ему нужно срочно ехать в Петроград.

Желание его было вполне закономерным. Все главные события происходили в Северной столице.

Иван Яковлевич уехал в Петроград, а потом в Финляндию.

Надо сказать, что было еще одно дело секретного сотрудника Блондинки. В агентурной картотеке особого отдела Департамента полиции на Гороховой. Правда, оно было не таким подробным, как в Москве, но все-таки имелось.

Оно и поступило в распоряжение Комиссии по обеспечению нового строя, которая занималась охранным отделением.

На деле И. Я. Дриллиха стоит штамп «не разыскан».

Ну а теперь Берлин. Конец декабря 1921 года. Гражданская война практически закончена. Перманентные очаги восстаний, вспыхивающие на территории России, не в счет. Солдаты и офицеры многочисленных белых армий томятся на острове Галлиполи, в Польше, в Маньчжурии.

А в оставленной белыми России необыкновенные перемены. Новая экономическая политика. НЭП. И сразу появились на прилавках магазинов забытые продукты, запели цыгане в частных ресторанах, в витринах модных лавок выставлены французские костюмы, немецкие пальто и английская обувь.

НЭП – время надежд русской эмиграции. Именно в декабре 1921 года в Берлине в элегантном кафе «Ландграф» на Курфюрстенштрассе, 75 случилось знаковое событие в духовной жизни русской эмиграции: состоялось первое заседание «Дома искусств». Когда-то клуб с таким названием существовал в Петербурге, и в нем проводила время веселая столичная богема.

«Дом искусств» в кафе «Ландграф» собирался раз в неделю, но заседания его были необыкновенно интересными: здесь выступали Алексей Ремизов, Андрей Белый, Алексей Толстой, Илья Эренбург. Даже красный нарком Алексей Рыков, будучи в Берлине, посетил этот литературно-художественный клуб. Что, кстати, припомнил ему на знаменитом процессе бывший меньшевик генеральный прокурор Андрей Вышинский.

Итак, писатели, художники, актеры, музыканты, галерейщики, коллекционеры, антиквары приходили на Курфюрстенштрассе, чтобы почувствовать дух ушедшей России.

В 1924 году на заседании клуба приехавший из России профессор Новиков выступил с лекцией. Он рассказывал, как гибнут художественные ценности в советской России. В частности, Новиков поведал об исчезнувшей коллекции Андрея Ковригина и вспомнил статью в «Русском слове» о картине Рюисдаля. Оказывается, она единственная сохранилась в бывшем особняке промышленника, в котором нынче открыт Музей быта. В него ходят, чтобы посмотреть, в какой роскоши жили раньше представители класса эксплуататоров.

Новиков рассказал, что редкая картина, вынутая из дорогой рамы, стоит прислоненная к стене, символизируя плохой вкус ушедшего общества.

На лекцию Новикова пришел антиквар, финский подданный Герман Шварц.

Прежде чем стать гражданином Суоми, он держал в Москве антикварную лавочку. Торговал всякой безделицей. Это было видимой частью его коммерции. Основным же занятием Шварца являлась скупка краденых картин, которые он переправлял в княжество Финляндское, а оттуда полотна расходились по частным европейским коллекциям.

Война 1914 года приостановила коммерческую деятельность Шварца, тем более что его делами активно начал интересоваться чиновник для поручений Московской сыскной полиции Иван Косоверьев.

Несколько раз Шварца приглашали для беседы в тверскую полицейскую часть и даже в Гнезниковский переулок, где находилась Московская сыскная полиция.

От греха Герман Шварц решил уехать в Петроград, где на некоторое время затих, а потом занялся знакомым промыслом. Перед самой Февральской революцией его делом заинтересовался лично начальник Петроградской сыскной полиции статский советник Кирпичников.

Так фамилия Шварца попала в оперативную картотеку российского сыска.

Двенадцатого сентября 1925 года в Музее быта на Шестой линии Васильевского острова появился посетитель. Он не походил на студентов и мелких служащих в толстовках и дешевых пальто. Посетитель был одет в серый твидовый реглан, шляпу-борсалино, дорогие туфли. Он обошел музей и надолго задержался у картины Рюисдаля, любуясь утками, плавающими по мирной глади пруда.

А ночью того же дня четверо фартовых ребята подехали на извозчике к музею. Спортивный молодой человек поднялся по водосточной трубе на второй этаж, «пластырем» (тряпкой, намазанной клеем) выдавил стекло, проник в зал, вынул картину из рамы и спустился по трубе на улицу.

Фартовые, сделав дело, уехали на извозчике в неизвестном направлении.

Герман Шварц, слушавший лекцию профессора Новикова год назад в Берлине, не знал, что злополучную картину атрибутировали, оценили и внесли в реестр госценностей. Поэтому Ленинградский уголовный розыск занялся этим делом весьма серьезно. Сыщиков заинтересовал рассказ о богатом посетителе, долго стоявшем у знаменитой картины.

Один из инспекторов ЛУРа, бывший сотрудник сыскной полиции, поднял архивы и нашел оперативное производство на Германа Шварца. В деле имелась фотография антиквара.

Работники музея опознали в нем богатого посетителя. Все остальное было делом техники. Утром в номер гостиницы «Европейская», где проживал антиквар, пришли сотрудники ЛУРа.

Шварц раскололся на первом же допросе. Ему сказали, что если он поможет следствию, то по возвращении картины его выпустят в Финляндию.

Кстати, так и произошло, но если бы сыщики знали, что Шварц готовил в Москве ограбление Музея изящных искусств, они вряд ли выполнили бы свое обещание. Но они об этом не знали.

Картины у Шварца не было, он побоялся брать ее после ограбления.

Тогда в ЛУРе была разработана операция.

В «Европейской» поселился приехавший из Лондона антиквар Джон Латипак, при нем постоянно находился переводчик Людвиг Михайлович.

Шварц в пивной на Лиговке оставил сообщение буфетчику, что покупатель прибыл. На следующий день в гостинице появился некто Иван Вдовин, известный питерский вор. Он выяснил, где живет англичанин, и поднялся к нему. Через переводчика они договорились, что Латипак готов приобрести картину за пятьдесят тысяч червонцев.

На следующий день в гостиницу в номер к англичанину пришли трое. Да, они принесли картину, но сумма их не устраивала. Началась торговля. Тогда Латипак попросил предъявить картину. Иван Вдовин достал ее из мешка. Латипак что-то сказал Людвигу Михайловичу по-английски.

– Господа, – перевел тот, – мой работодатель согласен с вашей ценой. Он готов заплатить и предлагает обмыть сделку.

Переводчик дернул шнур звонка. В дверях появился официант.

– Шампанского, – приказал Людвиг Михайлович и выдернул из кармана наган.

В руках англичанина тоже оказался пистолет, а из-за оконных портьер выскочили вооруженные агенты угрозыска.

– Руки вверх! – скомандовал официант, который оказался начальником 3-й бригады ЛУРа.

Урки даже не успели достать оружие, ошеломленные матом, которым их крыл не знавший русского языка «англичанин».

Были задержаны все, кроме спортивного молодого человека, выкрадшего картину. Он был не питерский. Сделал дело, получил деньги и исчез. Ничего о нем не мог сказать и Шварц, сославшись на случайное знакомство.

И снова Камергерский. В том же доме, где находилась «кукушка» полковника Мартынова, на последнем этаже проживал молодой человек по фамилии Федоровский. Он был известным московским теннисистом, состоял в московском гимнастическом обществе. Деньги зарабатывал обучением нэпманов и ответработников умению владеть ракеткой.

Жизнь он вел рассеянную и светскую. Ночами кутил в «Ампире» или «Метрополе». Любил послушать Хенкина в кабаре «Нерыдай» и попытать счастья в казино на Садово-Триумфальной.

В ночь на Пасху 1927 года он подошел к Музею изящных искусств, подождал, пока ударят колокола пасхального благовеста, поднялся на галерею, выбил стекло, проник в музей и вырезал из рам пять картин. Каждая из них представляла огромную художественную ценность.

Надо сказать, что музей в те легендарные годы охраняли старики сторожа, обычно спавшие у входа.

Итак, теннисист Федоровский взял работы: «Бичевание Христа» Дж. Пизано, «Христос» Рембрандта, «Се человек» Тициана, «Святое семейство» Корреджо и «Иоанн Богослов» Дольчи.

МУР стал на уши. Отрабатывали все возможные версии. Трясли всех музейных и церковных воров, не только бывших на свободе, но и сидящих по тюрьмам.

Агентура работала на пределе. Почти ежедневно проходили облавы на малинах, блатхатах и в подпольных катранах.

Ничего.

Солидные воры мамой клялись, что дело слепил или залетный, или фраер.

А Федоровский продолжал жить рассеянной светской жизнью. Заводил романы, играл по маленькой, прекрасно одевался и гулял в кабаках.

Его ученики – новые советские чиновники – помогали своему милому тренеру решать массу бытовых проблем, дела его шли неплохо.

А он ждал, ежедневно ждал весточки от Шварца. Он не ведал, что заказчик хоть и был отпущен обратно в Финляндию, но пересечь советскую границу уже никогда не сможет.

Через год Федоровский понял, что Шварц не появится. Продать картины он не мог по двум причинам. Во-первых, боялся; во-вторых, у него не было накатанных связей. Он не был блатным и знал только игроков, людей ненадежных и болтливых.

Шло время, и закончился НЭП. Начался период индустриализации. Загремела железом первая пятилетка.

Исчезло в небытие казино на Садово-Триумфальной, растворились во времени игорные дома и веселые кабаре. Начались суровые будни.

А Федоровский пристроился к бегам в надежде, что лошадь привезет ему долгожданное счастье.

Он угадывал и попадал. Опять угадывал и опять попадал.

В тридцатом году Федоровский проигрался в пух и прах и одолжил крупную сумму у Вити Ермакова по кличке Блин, урки, державшего бега.

И эти деньги увезли куда-то лошадки с номерами на пополах.

Витя был человеком серьезным, за деньги вполне мог отправить поплавать в мешке по Москве-реке.

Федоровский сказал Блину, что денег нет, но есть ценные картины.

Витя сказал:

– Предъяви.

Он отвез Витю в Покровское-Стрешнево и выкопал из тайника картины.

Витя сказал, что подумает. Он, авторитетный московский уркаган, знал, что прячет Федоровский. И он решил не связываться. Более того, нарушая блатной кодекс, сдать должника уголовке.

И Витя пошел в МУР к Тильнеру.

Так закончилась эта странная история, в которой переплелись бронзовая птица из витрины на Кузнецком, агент охраны Блондинка, «Дом искусств» в Берлине, жулик Щварц, светский теннисист и уголовник.

Вот и прервался сон наяву. Но в памяти остались горящие глаза бронзовой птицы, стерегущей тайны моего усталого города.

Тени кафе «Домино»

Я не помню старую Тверскую. Когда я начал совершать опасные экспедиции со двора дома в центр, улица Горького, за исключением неких мелочей, была практически такой же.

И всем известный дом, в котором помещались модная парикмахерская, винный магазин и знаменитое кафе «Мороженое», никаких исторических ассоциаций у меня не вызывал.

Сколько раз, фланируя по московскому Бродвею, я проходил мимо него, спокойно поглядывая на очередь у входа в храм пломбиров, не задумываясь, что было раньше на этом месте.

Узнал я об этом значительно позже, когда пришел работать в «Московский комсомолец». В 1958 году партийные власти изобрели новую газету – «Ленинское знамя» – для популяризации социалистических побед Подмосковья.

Напротив нашего отдела разместилось подразделение, которое освещало в новом издании культуру и информацию. Занимался этим Александр Борисович Амасович. Человек умный, начитанный и необыкновенно элегантный.

Мы с ним, несмотря на разницу в возрасте, подружились. Александр Борисович начал работать в газете, по-моему, еще во времена НЭПа и был кладезем всевозможных занимательных историй из жизни разных знаменитостей. К нему часто заходил его приятель Евгений Иванович, к сожалению, фамилию его не помню точно. Это был крупный человек с седой шевелюрой, разделенной безукоризненным пробором, всегда элегантно одетый. Он начинал свою карьеру репортером в газете «Русское слово», которую редактировал знаменитый Иван Федорович Благов.

Евгений Иванович был потрясающим мастером устного рассказа. Несколькими словами он, словно скульптор глиной, вылепливал образы знаменитых журналистов прошлого: мастера сенсаций Олега Леонидова, редактора «Синего журнала», а позже «30 дней» Василия Регинина, великого московского репортера Владимира Гиляровского.

Евгению Ивановичу было чуть за шестьдесят, но мне он казался необыкновенно старым человеком. Когда он появлялся в редакции, Амасович звонил мне, и я летел на второй этаж за коньяком и закуской.

Мы запирались в кабинете, пили трехзвездочный армянский, и я слушал рассказы моих старших коллег.

Потом мы уходили из редакции и переулками пробирались в бывший Камергерский, тогда проезд МХАТа, сворачивали направо и заходили в магазин «Российские вина». Там, при входе, вольготно раскинулся мраморный прилавок, на котором теснились бутылки шампанского. Мы брали по бокалу и по конфете.

– Господи, – сказал Евгений Иванович, – сколь же лет я пью на этом самом месте.

– Ровно сорок, – засмеялся Амасович.

Увидев мое удивление, Евгений Иванович пояснил:

– Раньше здесь находился дом номер 18 по Тверской улице. А в нем на первом этаже – знаменитое кафе поэтов «Домино». Интересно, что на втором этаже висела вывеска лечебницы для душевнобольных, и мы в редакции всегда говорили: «Пойдем в сумасшедший дом».

А здесь действительно был сумасшедший дом. Вечерами сюда приходили поэты, журналисты, писатели, актеры, художники и, конечно, налетчики. Здесь выступали Сева Мейерхольд и Володя Маяковский, Рюрик Ивнев... А Сережа Есенин даже написал стихи об этом кафе.

– Какие?

А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как,
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.
Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь напролет, до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.

Евгений Иванович читал профессионально, как актер, но тихо, чтобы не привлекать внимания веселых соотечественников, освежающихся шампанским.

В конце каждой строки он взмахивал бокалом, словно ставя точку.

– Когда-нибудь я напишу книгу о той прекрасной поре, – сказал он.

Евгений Иванович умер через два года, так и не написав свою книгу. Сердце московского репортера не выдержало. Он писал в газету о революции, Гражданской войне, НЭПе, размахе пятилеток. В сорок первом ушел на фронт и от Москвы до Берлина прошел корреспондентом дивизионной газеты.

В пятьдесят втором получил десятку, вернулся в пятьдесят пятом и снова писал репортажи. Ушел из газеты, унеся свое главное богатство – память.

А с кафе «Домино» мне пришлось столкнуться, изучая материалы уголовной секции МЧК, возглавляемой талантливым оперативником Федором Мартыновым. В те годы именно его служба занималась борьбой с бандитизмом в Москве.

Итак, Москва, Тверская, 18, кафе «Домино». Гражданская война. Разруха. Трудности с продовольствием, теплом, электричеством.

Вечерами в кафе негде было сесть. Вся богемная Москва тех лет прибегала сюда на огонек.

Станный, хининно-горький напиток, именуемый кофе, из брусничного листа чай, серого цвета эклеры на сахарине, как лакомство – котлеты из конины и для избранных – ханжа, водка-сырец.

Но не это главным было здесь. Люди приходили в кафе послушать стихи, поспорить. Страна находилась на изломе. Какой она будет? Что ждет всех? Об этом дискутировали поэты и артисты.

Иногда мирные диспуты переходили в кровавые драки, но все обычно кончалось миром.

В «Домино» выступал Маяковский, молодые актеры Художественного театра читали монологи, прелестные актрисы московской драмы пели романсы.

Любили заглянуть сюда и московские налетчики. Элегантные, уверенные в себе молодые люди.

По данным МЧК, каждая вторая дама в кафе была проститутка. Но не панельная, отлавливающая клиентов на Тверской, а дама с собственной квартирой.

Все это смешанное общество прекрасно уживалось между собой и становилось единым организмом завсегдаев.

Спекулянтам и уголовникам в те годы, как, впрочем, и сейчас, льстили короткие отношения с литературными и театральными знаменитостями, они накрывали столы и плакали под стихи Есенина.

В кафе поэтов зачастили два прекрасно одетых молодых человека. Они были весьма щедры, деньги у них водились, а главное, Володя и Паша всегда приносили с собой очищенный спирт.

В те былинные времена из-за перебоев с бензином в авто использовали спиртовую смесь. После минимальной очистки умельцы, а ими были все до одного шоферы, получали чистый спирт.

Евгений Иванович рассказывал, что спирт пился весьма легко, только имел аптечный привкус.

Любопытное совпадение. Вспомним строчки Сергея Есенина: «...И с бандитами жарю спирт».

В начале двадцатого года в Москве случилось несколько налетов на артельщиков. В переводе на сегодняшний язык – кассиров-инкассаторов.

В феврале был ограблен артельщик фабрики «Богатырь». Налетчики унесли три миллиона пятьсот тысяч рублей.

На Маросейке в апреле опять нападение на артельщика Центрпленбежа, взята та же сумма.

Через несколько дней на Разгуляе жертвой стал артельщик Главкожи. На этот раз бандиты взяли десять миллионов.

А в мае их добычей стали двадцать три миллиона, отпущенные банком на зарплату рабочим дрожжевого завода.

Во всех случаях в нападениях участвовало пять человек, они были прекрасно вооружены, лица их прикрывали театральные бутафорские бархатные полумаски.

Пока оружие применялось только как фактор устрашения. Все налеты были «сухими».

Четырнадцатого октября 1920 года в двенадцать часов пополудни артельщик Народного банка перевозил на автомобиле восемь мешков бумажных денег. Его сопровождали два охранника. В Третьяковском проезде, на Никольской, в самом центре Москвы дорогу им перегородил грузовик. Из него выскочили пятеро в масках, угрожая наганями, разоружили милиционеров и перегрузили мешки в грузовик.

Добыча составила 287 миллионов 560 тысяч рублей.

Водитель машины Старостин крикнул одному из бандитов:

– Ты что делаешь, Пашка!

И немедленно был убит. На этот раз бандиты пошли на мокруху.

А через десять дней к красивой молодой даме в Столешниковом переулке подошли двое в кожанках.

– Мадам, мы комиссары ЧК, прошу пройти в машину.

Надо сказать, что аббревиатура спецслужбы в нашей стране во все времена действовала ошеломляюще на соотечественников.

Испуганная дама села в машину.

А через два дня так же была задержана еще одна красавица в Каретном у сада Эрмитаж.

Потом это повторилось на Большой Никитской и Театральной площади.

Всех дам увозили на авто за Дорогомиловскую заставу и там «в доме с застекленной террасой» насиловали. Потом вывозили на дорогу и выбрасывали из машины. Кроме названия заставы и «дома с террасой», испуганные женщины ничего сказать не могли.

Возможно, дело бы так и прикрыли, если бы одна из красавиц не была восходящей звездой Малого театра, а вторая не принадлежала к когорте многочисленных подруг наркома Луначарского. Делом по изнасилованию занялся не только МУР, но и уголовная секция МЧК.

Однажды актриса Малого театра со своим душевным другом, известным тогда трагиком, пришли в кафе «Домино».

Там все было как всегда. В холодном прокуренном зале, не снимая пальто, шуб и бекеш, сидела творческая элита Москвы, спорила, ела и бесконечно курила. В холодном воздухе табачный дым плавал облаками под потолком.

За столиком у эстрады расположилась компания, где главными были Володя и Паша.

– Это они, – сказала актриса.

– Кто? – спросил трагик.

– Те, кто насиловал меня. Задержи их.

– Ты с ума сошла. Это же бандиты. Ты же говорила, что у них оружие. Давай скорее уйдем, чтобы они тебя не узнали.

Конечно, одно дело играть героя на сцене и совсем другое – быть храбрым на улице. Трагик силой уволок свою подругу из кафе.

Но «Домино» и его посетители всегда вызывали неослабный интерес у чекистов. Поэтому кафе было надежно «оперативно прикрыто». Разговор актрисы с трагиком услышал сидящий за соседним столом сотрудник уголовной секции МЧК, которого все знали как репортера «Красной газеты».

Он дождался, когда Паша и Володя закончат гулять, и пошел за ними.

Миновали Камергерский, пересекли Дмитровку и вышли на Кузнецкий Мост. Там гуляки сели в машину «руссо-балт» зеленого цвета с номером Реввоенсовета республики.

Той же ночью было установлено, что Володя – Владимир Викторович Иванов – шофер этой серьезной организации, а Паша – Павел Дмитриевич Голышев – водитель Главного военно-инженерного управления. Выяснилось, что Иванов живет в собственном доме за Дорогомиловской заставой, а Голышев – в доме номер 3 по Банному переулку.

Брать их решено было на рассвете.

Домик Иванова чекисты вместе с муровцами обложили со всех сторон. Тогда не было ни спецназа, ни СОБРа, ни ОМОНа. Бандитов брали сами оперативники и, надо сказать, делали это ничуть не хуже, чем их избалованные силовой поддержкой потомки.

Одновременно высадили три окна. В дом ворвались опера.

– Не двигаться, ЧК!

Иванов успел выстрелить всего один раз, к счастью – никого не задев.

Обыск показал много интересного. Кроме нескольких стволов оружия и большого количества патронов было найдено шесть бархатных театральных масок и много денег.

– Откуда оружие? – спросил задержанных Мартынов.

– С фронта из командировки привез, время-то бандитское, а с пистолетиками спокойнее. – Иванов закурил дорогую папиросу.

– А маски откуда?

– Мы с ребятами решили на Новый год представление устроить, вот и купил их в кафе «Домино» у одного бутафора.

– Тебя, Иванов, опознала женщина, которую вы изнасиловали.

– Начальник, – Иванов засмеялся, – слушай ты баб больше. Да, привозил их сюда, имел их. Но они сами ехали за деньги.

– Вот о них-то и поговорим, – улыбнулся Мартынов. – Где ты, братец, такие капиталы нажил?

– Что в карманах, то мое. А остальное вы мне подбросили.

– Ну что же, поедем на Лубянку, там ты нам все расскажешь. Вспомнишь даже то, чего не было.

Гольшева брали также на рассвете. Дверь квартиры ломать не стали. Опера из МУРа привезли специалиста, работавшего еще в Московской сыскной полиции. Он спокойно открыл три замка, а металлическую цепочку разрезал специальными кусачками.

Стараясь не шуметь, вошли в квартиру. В спальне на здоровенной кровати с медными шарами безмятежно спал шофер Паша в объятиях дамы. Как выяснилось, это была его соседка, жена военного инженера, воюющего на Южном фронте. При обыске нашли оружие, патроны и деньги.

И тут старшего группы Волкова словно осенило:

– За что же ты, Паша, Старостина убил? Он же кричал: «Что ты делаешь, Паша?!»

– Все скажу, – перепугался Гольшев.

На Лубянке он подробно описал все эпизоды и выдал остальных сообщников. Они также были шоферами разных советских учреждений. У одного из них, Шилова, при обыске в подвале обнаружили маленькую типографию, где он печатал фальшивые деньги. Подельники о его полиграфическом увлечении ничего не знали.

Было решено усилить наблюдение за завсегдатаями кафе поэтов «Домино».

И вот один из крупнейших авантюристов той революции, командарм Юрий Саблин, человек контактный, веселый, склонный к писательству, привел в кафе странного курчавого губастого человека, который немедленно подружился с Анатолием Мариенгофом и Сергеем Есениным.

Человек этот не выдавал себя за репортера, поэта или художника. Он представился предельно просто:

– Завотделом ВЧК Яков Блюмкин.

У него было отрицательное обаяние. Он много пил, но «держал удар», не скупился в расходах, тем более что их ему оплачивала контора, и проживал во Втором доме советов.

Очень быстро Блюмкину удалось стать своим среди этих веселых и невоздержанных в разговорах людей. Он старался ни с кем не спорить, а, наоборот, подтолкнуть собеседника на откровенный разговор. Он мог помочь и помогал. Архивы свидетельствуют, что он выручал из цепких рук своих коллег Николая Клюева, Рюрика Ивлева и Сергея Есенина.

Однажды в кафе пришел молодой артист Игорь Ильинский. Одет он был бедненько, а ботинки были латаные-перелатаные. На улице слякотно, вот и решил Игорь Владимирович почистить их бархатной портьерой.

Блюмкин сидел за столом с Сергеем Есениным и Мариенгофом. Он увидел это и заорал на весь зал:

– Хам! Сволочь! Убью!

И выхватил браунинг.

Есенин навалился на него, вырвал оружие.

- Ты чего, Яша, совсем сдурел? Это же замечательный артист. Наш товарищ.
- Он сволочь и хам, я его все равно убью. Отдай оружие.
- Будешь уходить, отдам, – отвечал Есенин.

О Якове Блюмкине писали много всего. Например, ему было предъявлено в ОГПУ после ареста обвинение, что он растратил в Палестине и Турции казенные деньги. Но никакого документального подтверждения этому нет.

Многие писали о нем как о трусе. Анатолий Мариенгоф в своем «Романе без вранья» рассказывал, что Блюмкин был человеком трусливым и частенько просил их с Есениным проводить его домой.

Что-то не стыкуется: чекист был семь раз ранен, причем четыре раза холодным оружием в рукопашном бою.

Странная какая-то биография была у этого человека, в ней оказывалось много провалов. Причем их по сей день не могут восстановить специалисты, изучающие историю ВЧК – ОГПУ.

Революция всегда выносит авантюристов на мутной волне. Именно она вынесла к вершинам власти сына приказчика с одесской Молдаванки. В двадцатом году, когда Блюмкин появился в «Домино», ему исполнилось всего двадцать два года. Но ему было о чем рассказать изумленным слушателям.

В Одессе он дружил с Михаилом Винницким, знаменитым Мишкой Япончиком. Изучая нашу криминальную историю, могу сразу сказать, что Япончик в основном занимался вымогательством, а совершал налеты лишь после того, как ему отказывались платить дань.

Начиная с одесских рассказов Исаака Бабеля и заканчивая публикациями нынешними, Винницкий предстает королем преступного мира России. Но он ни в какое сравнение не идет с такими бандитами, как Сабан, Кошельков, Гришка Адвокат, орудовавшими в Москве.

Но вернемся к Якову Блюмкину. Вместе с Винницким в 1918 году он формировал 1-й железный революционный отряд, состоявший из молдаванского воря и бандитов.

История этой воинской единицы была короткой и бесславной. Одно дело грабить мирных еврейских коммерсантов, совсем другое – драться с профессиональными вояками из дивизии Дроздовского.

Железный отряд бросил фронт, а его командира, Мишку Япончика, расстреляли.

Но Яков Блюмкин заслужил всероссийскую славу после убийства в Москве германского посла Мирбаха. Надо сказать, что тогда Яков Блюмкин уже был комиссаром ЧК. Вполне естественно, что его объявили в розыск. Но Ленин в телефонном разговоре сказал Дзержинскому, что убийцу надо искать со всем старанием, а находить – не обязательно.

Посол граф Мирбах, мастер политических интриг, наделенный особыми полномочиями, снабжал деньгами нужных Германии людей и, говоря нынешним языком, был «смотрящим» за использованием денег.

Блюмкина найти было не сложно, он продолжал работать в ЧК на Украине. В двадцатом году он возвращается в Москву и становится слушателем Академии Красной армии по восточному факультету, на котором готовили разведчиков.

Яков Блюмкин был добрым гением богемы из кафе поэтов «Домино». Он щедро угощал их, помогал деньгами, доставал ордера на одежду и обувь. Он даже стал одним из учредителей поэтической «Ассоциации вольнодумцев» и, естественно, своим человеком в кругу имажинистов.

Много позже Блюмкину начнут приписывать смерть Есенина. Якобы именно он убил поэта на конспиративной квартире в Ленинграде, потом чекисты перенесли его в номер гостиницы «Англетер». А потом кровью Есенина он написал знаменитые прощальные стихи.

Блюмкин действительно сочинял вирши, но написать такие строчки вряд ли бы сумел.

В том же двадцатом Блюмкин исчезает из Москвы, чтобы всплыть в Иране. Там, в северной части, на штыках Красной армии создается самопровозглашенная Гилянская Советская Республика со столицей городом Решт.

Блюмкин – комиссар Гилянской Красной армии и одновременно член компартии Ирана.

О Якове Блюмкине можно рассказывать бесконечно. Но он уехал из кафе «Домино» в Иран, и на этом мы его покинем.

Блюмкина расстреляли в 1929 году. Ему было всего тридцать один год.

Однажды, в 1959 году, мне позвонил начальник МУРа Иван Васильевич Парфентьев и сказал:

– Зайди, я тебя с интересным типом познакомлю.

В кабинете Парфентьева сидел благообразный, хорошо одетый человек.

– Эх, Борис Васильевич, – сказал Парфентьев, – вам уже за семьдесят, а вы все никак не успокоитесь.

– Обижаете, Иван Васильевич, – хорошо поставленным голосом ответил Борис Васильевич, – ваши сотрудники при обыске ничего не нашли.

– За что, на этот раз, я вам, Борис Васильевич, приношу извинения от лица уголовного розыска. Вот предметы, изъятые у вас. Распишитесь в получении и ступайте домой по весенней прохладе.

Борис Васильевич взял большой конверт, вынул из него три колоды карт и пачку фотографий. Он нарочно долго рассматривал их.

Я заглянул через его плечо и увидел молодого Бориса Васильевича и Маяковского, они с киями в руках стояли у бильярдного стола. На другой фотографии он был увековечен с Сергеем Есениным.

– Вы были знакомы с ним? – удивился я.

– Дружен, – ответил он. – Мы познакомились в кафе поэтов «Домино». Я тогда был известным кинописателем.

Когда Борис Васильевич ушел, Парфентьев сказал:

– Великий карточный шулер с дореволюционным стажем. Третьего дня выкатал у двух грузин восемьдесят тысяч. Чешет дураков уже лет сорок и ни разу не попался.

Фамилия Бориса Васильевича была Соболевский. В 1915 году его за нечестную игру выгнали из Катковского лицея. Но на фронт он не попал. Папенька, один из руководителей Союза городов, пристроил его в киноотдел Александровского комитета. Соболевский делал сценарии военных агитфильмов. Потом в кинотовариществе «Талдыкин, Козловский, Юрьев и К°» стал писать сценарии больших фильмов. Так что в «Домино» его знали как заметного по тем временам кинописателя.

Но главной статьей его дохода была игра. Он был одним из лучших шулеров игроцкого мира страны. Не просто лучшим, но и самым удачливым. Много раз опера пытались его заловить, но всегда неудачно.

На месте кафе «Домино» стоит большой дом. Массивный, надежный. Именно такие строили тогда, у них даже есть название – сталинские дома.

И те, кто приходит сегодня в винный магазин, вряд ли знают, что много лет назад на угол Камергерского и Тверской приходили люди великие и смешные, добрые и жестокие, веселые и грустные.

Они ушли от нас вместе с той, неведомой жизнью. Но на Тверской живут их тени. И в нашей памяти они загадочны и интересны. Потому что прошлое всегда кажется увлекательнее, чем настоящее.

Налет по наводке

Утром на кухне заголосило радио, призывая нас всех отметить день рождения Владимира Ильича Ленина ударным трудом на ленинском субботнике.

Ехать на работу ужасно не хотелось, но начальство достало какие-то пожелтевшие списки, в которых значилось, что я уже который год подряд манкирую бесплатным трудом во славу КПСС.

Я приехал в контору и не пожалел об этом. Издательство «Молодая гвардия» уничтожало старые архивы. Многие десятилетия в стенных шкафах пылились папки с делами, заведенными на авторов. И хотя это были не уголовные дела, но на оперативные они очень смахивали.

В папках до пятьдесят пятого года хранились авторская карточка и анкета автора, вся переписка по поводу его рукописи, внутренние рецензии, заключения редактора, заведующего редакцией.

Анкета автора попадала в отдел кадров к соответствующему сотруднику, и он пробивал ее со всем положенным чекисту мастерством.

Если автор не имел родственников за границей, не стоял на платформе, чуждой партийной, не находился на временно оккупированной территории, не имел среди родственников врагов народа, его рукопись рассматривалась. В противном случае вызывали рецензентов – «палачей», и они из любого, даже самого гениального, романа делали форшмак.

Впрочем, хочу оговориться: профессия эта существовала вплоть до перестройки. Когда издательству надо было отказать хорошему писателю, к примеру такому, как Юрий Трифонов, или Василий Аксенов, или, упаси боже, Владимиру Войновичу, вызывались именно такие специалисты. Они ничего не теряли, анонимность их работы была гарантирована, а платили за это вполне прилично. Вот они и рубили коллег, как кавалеристы лозу, забыв на время о своих либеральных взглядах.

Кстати, на всевозможных сборищах по поводу присуждения премий «Триумф» или Букеровской, которые так любят показывать по телевидению, за обильными столами я постоянно наблюдаю их лица в тесном соседстве с молочными поросятами.

Но вернемся в «Молодую гвардию» в день ленинского субботника.

Я с интересом просматривал папки сороковых годов, читал рецензии и отзывы на работы никому неведомых авторов и думал, что среди этих неизвестных наверняка были новые Платоновы, Катаевы, Булгаковы. Шкаф со старыми папками стал могилой неизвестного писателя.

И вдруг в одной из папок середины пятидесятых я встретил знакомую фамилию – Аркадий Адамов.

Его повесть «Дело „пестрых“» рецензировали корифеи тогдашней литературы. Авторы романов «Далеко от Москвы», «Белая береза», «Кавалер Золотой Звезды». Я специально не называю эти три фамилии, так как вряд ли названия романов и их авторы знакомы нынешнему читателю. Но тогда, в середине пятидесятых, это были три столпа отечественной словесности, сталинские лауреаты, орденосцы, секретари Союза писателей.

Они по-разному оценивали язык и стиль молодого автора. Оценки ставили от пятерки до тройки, но в одном они были непримиримы и беспощадны: таких людей, о которых пишет Аркадий Адамов, нет и не может быть в нашей стране, практически закончившей строительство коммунизма. Где автор разыскал эту галерею подонков!

Позже я выяснил, что по поводу повести «Дело „пестрых“» было еще несколько здоровенных томов переписки.

Об этом я, естественно, рассказал Аркадию Адамову, а он поведал мне о своих мытарствах.

Главное, на что указывали рецензенты, были нетипичные представители общества. Герои Адамова сильно отличались от надуманных персонажей Ажаева, строителей газопровода, или кубанских колхозников Бабаевского. Персонажи Адамова были люди, с которыми мы постоянно сталкивались на улице, в магазине.

Сегодняшний детектив часто напоминает жанр фэнтези, а раньше, могу сказать исходя из собственного опыта, работа над криминальным романом – это было прежде всего изучение эпохи и подлинных уголовных дел. Иногда из нескольких реальных персонажей соби-раешь один, который начинает жить на страницах книги.

Конечно, образ главного преступника в «Деле „пестрых“», Папаши, был собирательным, но если внимательно прочесть роман, то можно узнать, что когда-то он имел кличку Пан. А это вполне реальная фигура уголовного мира. У него была всепоглощающая страсть коллекционировать миниатюры, но, в отличие от литературного героя, он никогда не был бандитом и убийцей. У него имелась другая, доходная, но менее опасная уголовная специальность – наводчик. Работа эта посложнее, чем просто ворваться со стволами в контору или кассу, убить сторожа, припугнуть кассира и уйти. Настоящий наводчик – это организатор налета. Он не просто говорит: «Завтра в артель „Напрасный труд“ привезут два миллиона упаковок». Это не подвод, а лишь информация.

Наводчик вроде Пана называет время, когда привезут деньги, количество охранников, их вооружение, способ, как незаметно подойти к кассе или бухгалтерии, а главное, путь отхода. Вот тогда это настоящий подвод, за который налетчики платят хороший «карабач», то есть долю.

Пан был именно таким. Он родился в Варшаве в 1890 году, в хорошей польской семье. Отец его был известным органистом. Пан закончил реальное училище, и все бы шло как надо, если бы не прикипел он к карточной игре.

В притоне на Крахмальной он сильно проигрался серьезным ребятам, знаменитым кобурщикам братьям Пашковским. Выхода у него не было: или стать под ножи, или отдать деньги.

Пашковские находились тогда в своего рода творческом простое. Брать банки и кассы кобуром было чисто польским изобретением, которое все могли увидеть в замечательном фильме «Ва-банк». В то время они еле унесли ноги с Нижегородской ярмарки и находились под пристальным наблюдением начальника сыскной полиции Варшавы надворного советника Курнатовского. Значит, надо было менять масть, то есть заняться иным промыслом.

Они поставили Пану условие: даешь подвод на богатую квартиру – и мы в расчете, более того, получишь приличную долю.

Пан был мальчиком из хорошей семьи, имел знакомства самые обширные. Для налета он выбрал квартиру своего товарища по реальному училищу Гохмана, папа которого держал на Маршалковской процветающую ювелирную торговлю. Пан даже ухаживал за сестрой своего товарища, и родители строили планы о будущем родстве двух приличных и вполне обеспеченных семей.

Пану понравилось дело, которое ему поручили, он выведал, где хранятся деньги и украшения, дорогая посуда и банковские облигации. Придя в гости, он открыл замки на двери черного хода, оставив одну хилую задвижку.

И вот, когда в еврейский праздник вся семья и горничная отправились в синагогу, братья Пашковские разобрались с квартирой ювелира за двадцать минут. Наводка была дана настолько профессионально, что Пашковские начали убеждать Пана, что он станет королем воровского мира.

По наводке Пана в Варшаве было взято еще две квартиры.

А потом началась война. Отец будущего преступного короля был коротко знаком с князем Львовым, ставшим председателем Союза городов. Вместо окопов Пан попал в санитарный отряд Союза городов, что тоже было не подарком, поскольку отряд часто находился в зоне артобстрела.

После ранения, когда немцы уже захватили Варшаву, Пан перебрался в Москву. Что он делал с шестнадцатого по восемнадцатый год, мне неизвестно. Все дело в том, что откровения короля наводки, написанные им самим, я раскопал в архиве.

Надо сказать, что знаменитого наводчика так ни разу по делу и не взяли. Его прихватили в 1930 году, когда заметали всех, готовясь к началу строительства Беломорско-Балтийского канала. Он попал на стройку, стал нарядчиком и ударно работал. Но однажды знаменитый чекист Фирин, замначальника стройки, вызвал его к себе и сказал:

– Хочешь выйти на свободу – напиши все подробно о своем преступном прошлом. К нам приезжает бригада писателей. Сам Максим Горький будет готовить книгу о нашей стройке. Выхода у тебя нет, пиши.

И он написал. Правда, откровения налетчика не попали в капитальный труд «Беломорско-Балтийский канал», и вообще никуда не попали. Затерялись в архиве, так как Сталин и Ягода, видимо, посылали писателей на эту замечательную стройку, чтобы они познакомились со своим будущим. Ровно через два года после выхода этого труда он был запрещен и изъят, все чекисты-герои и большинство авторов отправились в расстрельные подвалы.

В своих откровениях Пан ничего не написал, как в октябре 1918 года в кафе «Бом» на Тверской встретился со старым другом братьев Пашковских налетчиком Иваном Гусевым по кличке Гусак и Николаем Дмитриевым по кличке Ойдате, выдававшим себя за командира 3-го татарского полка.

Они попросили Пана дать несколько приличных подводов. В то замечательное время уголовного беспредела операции не нужно было разрабатывать с особой тщательностью. Если раньше налетчики боялись крови, то теперь лили ее ведрами.

Позже, когда с бандой Гусака – Ойдате было покончено, выяснилось, что в нее входили, кроме известных налетчиков Баса, Целовальника, Калмыка и еще восьми менее авторитетных уголовников, сотрудник ВЧК Гец, комендант Сущевского военного комиссариата, краском (красный командир) Николай Желобов и милиционеры 1-го Бутырского комиссариата Смирнов и Чачин.

Ойдате, у которого была печать 3-го татарского полка, спроворил всем по тем временам вполне надежные документы, комендант Желобов вооружил банду револьверами и гранатами.

В конце ноября в продовольственный кооператив номер 4 на Новослободской улице пришел высокий, весьма приятный в обращении молодой человек в форме Союза городов со споротыми погонами. Он представился бывшим помощником уполномоченного Союза городов по Московской губернии и сказал, что мог бы свести кооператоров с поставщиками муки из Зарайска.

И что самое интересное – свел. Кооператив хорошо заплатил новоявленному снабженцу за комиссию. Так Пан стал своим человеком в кооперативе. Ему не составило труда выяснить, что 12 декабря в кооператив привезут восемьсот тысяч рублей, полученные в банке для закупки фуража.

За несколько дней, которые Пан проработал в кооперативе, он выяснил главное: в его помещение можно было попасть или с улицы, или через чердак примыкающего дома.

Гусак и Ойдате так и сделали. Они прошли в кооператив со стороны черного хода, дверь которого была заколочена досками снаружи. Доски заранее ночью сняли и ворвались в бухгалтерию. Всех связали, уложили на пол, деньги погрузили в два рогожных мешка и покинули кооператив.

Налет обошелся без крови, что среди профессионалов считалось большой удачей. Но когда они спускались с чердака примыкающего дома, то на площадке второго этажа напорились на милиционера.

Сотрудник 3-го Сушевского комиссариата разносил повестки. Он увидел людей с мешками, выдернул наган, а выстрелить не успел – Ойдате его тяжело ранил.

Но в больнице милиционер, как мог, описал преступников, в уголовной секции МЧК теперь были их приметы. Милиционер отметил главное: почти все бандиты были одеты в форму краскомов.

Пан получил хорошую долю от Гусака и в сентябре 1919 года разработал план ограбления склада «Богатырь» на Лесной улице.

В ноябре он дает сразу два подвода – на кооператив номер 1 на Бутырской улице и на рабочий кооператив у Бутырского моста.

Добычу бандиты взяли богатую, можно было немного переждать, пока Пан не подготовит новое дело.

Наводчика в банде никто, кроме Гусака и Ойдате, не знал. Это, кстати, железное правило налетчиков: наводчика знает только главарь и никогда не сдает. Хороший наводчик в блатном мире стоит выше любого удачливого вора.

Итак, решено было ждать хорошего подвода, но – жадность фраера сгубила – в декабре пошли на дело без подвода, решили взять магазин на Верхней Масловке, подзапасться жратвой перед Новым годом. Налетчики шли без подвода, поэтому не знали, что в торговом зале постоянно ночует милиционер.

Завязалась перестрелка. Милиционер был тяжело ранен. Тогда контрольные выстрелы еще не вошли в моду, поэтому мента посчитали убитым, взяли харчи и ушли.

А милиционер, очнувшись в госпитале, сразу дал показания, что в нападении участвовали его коллеги, милиционеры Чачин и Смирнов.

Тем же утром их взяли. При обыске нашли продукты из магазина и отрезки сукна, похищенные на складе «Богатырь».

В ЧК и МУРе методы были традиционные, и Смирнов и Чачин прямо на квартирах дали показания и сказали, что банда находится на даче в Петровском парке. Дачу эту Ойдате реквизирует у цыган из хора Полякова.

На дверях дачи висела грязная вывеска «Штаб 3-го татарского полка», на крыльце стоял человек при полной форме и с наганом на поясе.

Чекисты и летучий отряд МУРа плотно обложили дачу. На предложение сдать «бойцы татарского полка» ответили огнем из ручного пулемета. Тогда руководитель операции Яков Мартынов приказал открыть огонь на поражение. Четыре пулемета «максим» да сорок винтовок за несколько минут сделали из деревянной дачи решето. Гусак и Ойдате погибли, несколько бандитов были захвачены и расстреляны. А человек по кличке Пан продолжал свое прибыльное дело, пока не загремел на Беломорстрой.

О нем мне рассказал еще один герой «Дела „пестрых“». В повести Аркадия Адамова он именуется полковником Сандлером. На самом деле его фамилия Ляндрес, и был он дядей моего друга Юлика Ляндреса, впоследствии знаменитого писателя Юлиана Семенова.

Илья Ляндрес, который с большим, надо сказать, профессиональным интересом следил за Паном, рассказал мне, что в двадцатых годах Пан закончил медицинский техникум, стал фельдшером, и весьма неплохим.

В сорок первом, несмотря на то что ему пошел шестой десяток, добился в военкомате призыва в армию и служил фельдшером в медсанбате. Получил положенные награды и вернулся в Москву. Купил домик в Измайловском парке, увлекся собиранием миниатюр. Но основной профессии не оставил.

У МУРа были оперативные данные, что Пан причастен к нескольким громким преступлениям. Но как опера ни бились, наводчика никто не сдавал.

Пан умер в 1962 году. Коллекцию миниатюр, весьма ценную, он завещал музею. Но она исчезла. А через несколько лет следы ее обнаружили в Париже и вели к одной весьма высокопоставленной партийной даме, но об этом я напишу, когда полностью соберу материал.

В сентябре 1958 года я пришел в МУР и поднялся в приемную Ивана Васильевича Парфентьева.

– Подождите, – сказала мне секретарша, – он очень занят.

Я сел в уголок и начал читать свежий номер милицейской газеты «На боевом посту». Минут через двадцать дверь открылась, и из нее вышел знакомый мне человек, которого я знал как журналиста.

Мы раскланялись.

– Откуда ты его знаешь? – вцепился в меня выскочивший из кабинета начальника мой друг Эдик Айрапетов.

– По Дому журналиста.

– Пойдем ко мне, расскажешь.

А что, собственно, было рассказывать? Восемь лет назад, когда джаз считался проводником буржуазной идеологии, в Москве устраивались полуподпольные танцульки, именуемые «ночниками». Самые лучшие были в Доме журналиста, там играл знаменитый ударник Боря Матвеев, кумир московских любителей джаза. Но попасть на эти предприятия было крайне сложно. Беспрепятственно проходили на них члены Домжура или их родственники. Никакого Союза журналистов тогда в помине не было.

У меня был товарищ, мой ровесник, который уже репортерил в «Труде» и «Советском спорте». Звали его Леша Егиозаров, впоследствии он станет неплохим писателем Алексеем Азаровым.

Лешка был истинным репортером, пробивным и наглым. Конечно, он был членом Дома журналиста, но по своему билету проводил любимую девушку с компанией.

– Поехали в Домжур, – сказал он мне, – я тебе достану билет.

Ах, старый Дом журналиста! До перестройки, затеянной Аджубеем, это было место с огромным рестораном, стены которого были обшиты дубовыми панелями, с великолепной кухней и прекрасной бильярдной. Там потом сделают знаменитый пивбар. У дома был свой стиль, как у хорошего английского клуба.

В этом замечательном доме Леша познакомил меня с веселым журналистом Романом Берковским. Выслушав просьбу, он рассмеялся, повел меня к милой даме, администратору, и сказал:

– Евгения Михайловна, это мой племянник, он по моему билету будет брать пропуски на танцульки.

Перед каждым «ночником» я брал у Романа Берковского темно-коричневый членский билет, получал по нему искомые пропуски и веселился, как мог.

На другой день после танцев мы встречались в ресторане, и Берковский произносил магическую фразу:

– Вы физкультурник, вам пить нельзя, поэтому я приму двойную дозу.

Однажды мы стояли у стойки, а из бильярдной поднялась шумная компания весьма почтенных людей. С одним из них, известным журналистом Ковалевым, Роман меня познакомил. Потом я несколько раз встречал его на улице Горького, и мы раскланивались.

Вот его-то я и встретил через несколько лет в МУРе. Оказывается, гражданин Ковалев был не только журналистом, но и последователем знаменитого Пана.

Ранней весной 1958 года следователю горпрокуратуры Власову в кабинет позвонил дежурный милиционер из проходной.

– К вам на допрос гражданин Фридман.

– Я его не вызывал, – ответил Власов.

– Он говорит, что вчера в двадцать один час у него делали обыск.

– Давай его ко мне, – распорядился Власов.

Выяснилось, что накануне в двадцать один час в квартиру директора мехового магазина Фридмана пришли участковый в форме и следователь горпрокуратуры Власов, пригласивший понятых, молодого парня и девушку, и начали обыск. Изъяли крупную сумму денег, драгоценности, составили соответствующие документы на изъятие и велели Фридману на следующий день прибыть в горпрокуратуру.

Как выяснилось, «следователь Власов» говорил с украинским акцентом.

А через двадцать дней «опергруппа» пришла в квартиру директора овощной базы Парамонова.

Так за три месяца были «залеплены» четыре разгона у цеховиков и торгашей.

Эдик Айрапетов, занявшись разгонами, то есть самочинными обысками, определил, что всех четверых объединяла страсть к бильярду, а катали они шары в Доме журналиста. И в компании их всегда находился журналист по фамилии Ковалев. Когда начали его разрабатывать, то выяснили, что у него достаточно устойчивые связи в московском криминальном мире.

Итак, в бильярдной Дома журналиста появился новый игрок, директор мехового ателье. Он прекрасно играл, широко держал стол, маркер из бильярдной рассказал, что он очень богатый человек.

Десять дней на квартире «директора ателье» сидела засада. И когда ее уже хотели снимать, пришел-таки «следователь Власов» сотоварищи.

О несметных богатствах меховика маркер рассказал Ковалеву. Но это была улика косвенная. Никто из арестованных не дал на него показания.

Кстати, фамилию Власова главарь банды, Гунько, выбрал не случайно. Два года назад он проходил свидетелем по делу о квартирной краже именно у этого следователя.

Вот и вся история двух известных наводчиков – редкой и ушедшей воровской профессии. Теперь она не нужна. Нынче все просто – садись на должность и можешь вскрыть любой сейф без наводки и риска.

Браслет мадам Рябушинской

Город – это не только пространство, но и время, объединяющее всех живущих в нем. В моей истории три разных периода из прошлого Москвы. Три листка из старых календарей, которые связывают людская алчность и честность, преступления и кровь. И соединить эти разрозненные кусочки криминальной истории мог один человек, старый столичный опер, который держал в руках знаменитый браслет Рябушинской.

Я начал звонить ему еще в марте, но он откладывал встречу, ссылаясь на гипертонию. Понять его было можно: Борису Сергеевичу стукнуло восемьдесят пять, а жизнь он прожил не самую легкую – угрозыск, фронт, потом опять угрозыск.

Последний раз я разговаривал с ним в начале апреля, он обещал позвонить мне сам, когда оклемается.

Шли дни, и я уже потерял надежду. Восемьдесят пять – возраст весьма опасный, тем более когда высокое давление не дает покоя.

Но вдруг 5 мая Борис Сергеевич позвонил мне и сказал, чтобы я приезжал на чаек.

Я приехал на Хорошевку, позвонил в знакомую квартиру. Мне открыл хозяин. Мы не виделись два года, но он почти не изменился, был не по годам крепок. С силой пожал мне руку.

И я увидел на запястье желтый, будто плетеный браслет из циркония, тот самый, который так часто рекламируют на телеэкране. В полумраке прихожей он казался весьма элегантным и дорогим.

Борис Сергеевич поймал мой взгляд:

– Внучка в конце апреля подарила.

– Помогает?

– Как видишь, оклемался малость, даже с тобой встретился. Пойдем в комнату, чайку попьем и о другом браслете поговорим. Ты знаешь, история эта странная. Бывает, пойдет пруха – и все разом срастается. Вот так же и у меня вышло в июне 1957 года.

Нас в Фили вызвали, в филиал седьмого универмага на кражу со взломом. Когда приехали, то я сразу увидел пробитый потолок, зонтик раскрытый, полный штукатурки, стремянку, стоящую на полу напротив пролома.

Урки поганые ночью открыли дверь Ремстройконторы, располагавшейся над магазином, сделали дырку в полу, просунули в нее зонтик, раскрыли его, а потом начали долбить пол. Здоровые куски штукатурки беззвучно падали в зонт. Сделали дырку и на веревке спустились в торговый зал.

Все дело в том, что в пятницу в ювелирный отдел магазина для плана привезли сто штук золотых часов «Победа» и триста обручальных колец. Но выкинуть в продажу их решили в начале недели, во вторник. Как ты помнишь, тогда по понедельникам во всех магазинах был выходной день.

Итак, в воскресенье ночью фартовые ребята проникли в магазин, открыли дверь подсобки ювелирного отдела и, без труда подобрав отмычку, вскрыли сейф фабрики металлоизделий, забрали коробки с часами и кольцами, взяли стремянку и через лаз в потолке ушли.

В понедельник пришли служащие Ремстройконторы и подняли тревогу. Было совершенно очевидно, что грабители шли по четкой наводке. Они знали, что в сейфе лежат часы и кольца; знали, какой системы металлический ящик; знали, где стоит стремянка.

Мы начали обрабатывать сотрудников магазина. И сразу же выяснилось, что уборщица Козлова дважды судима за кражи, а сын ее Витька, по кличке Рогатый, вор-рецидивист.

Я взял двух сотрудников и поехал на Ордынку к Козлову. Когда мы пришли, Витька спал, в маленькой комнате так воняло перегаром, что дышать было нечем. Я разбудил Витьку, он вылез из-под одеяла в одних трусах, демонстрируя целую галерею татуировок. Сел на стул. Налил стакан гриба. Выпил, закурил и спросил нагло:

– Тебе чего надо, начальник?

– Ты где, Рогатый, был в ночь на воскресенье?

– На свадьбе у соседа. А что?

– Кто подтвердить может?

– Да вся свадьба. Я, начальник, завязал. Вместе со всем народом строю коммунизм, очень хочу пожить при полной халяве, – нагло осклабился фиксатым ртом Витька.

И действительно, на этот раз мы не могли ему помешать дожидаться на воле великой халявы. Пятнадцать человек подтвердили, что он был на свадьбе и играл на аккордеоне.

Но в разработку семейку Козловых мы взяли.

Пока суть да дело, нас вызвал комиссар Парфентьев и вломил так, что мало не показалось.

Два дня мы трясли всех золотишников: воров, промышлявших драгметаллом, перекупщиков. Никакого результата.

А тут мне позвонил агент и сказал, что у него вчера был человек, который предлагал партию золотых часов «Победа». И будто эти часы спрятаны на блатхате у Борьки Пономаренко на Большой Дорогомиловской.

Я засомневался. Борька Пономаренко потихоньку скупал краденое, но только носильные вещи и отрезы. А у перекупщиков, как и у воров, своя четкая профессиональная ориентация. Одни специализируются на антиквариате, другие – по золоту и камням, третьи – по мануфактуре и никогда своей ориентации не меняют.

Борька Пономаренко по кличке Стольник был барыгой опытным и никогда не стал бы связываться с «рыжевьем». Он имел свою копейку на том, что держал в своей квартире катран (подпольный игорный дом).

Мы знали об этом, но не трогали его, так как в таком месте удобнее всего было внедрить к деловым агентуру.

Но сигнал был, и, значит, надо проводить оперативную проверку.

Получили постановление на обыск, взяли следователя и в двадцать два пожаловали к Стольнику. Квартира эта была знаменитая. Малина здесь существовала еще до Первой мировой войны. Держал ее Борькин папаша, знаменитый московский перекупщик краденого Яков Пономаренко по кличке Яша Кабанчик. Его расстреляли в двадцать четвертом. Потом блатхату держала его жена Мария по кличке Машка Кошелек, а потом и сын продолжил семейную коммерцию.

Приехали в адрес. Стучим. Дверь долго не открывают. Значит, у Борьки собрались лихие ребята перекинуться в польский банчок или очко.

Наконец Стольник открыл дверь. Вошли. В комнате за столом, покрытым хорошей скатертью, сидят четверо, пьют чай и в домино играют.

Ни денег, ни водки, ни карт.

Борька говорит: мол, начальник, зашли знакомые чайку попить и в козла забить.

Придраться не к чему. Четверку эту отправили в отделение для проверки, а я Борьку вывел в другую комнату и говорю:

– Стольник, ты чего, стал золотишком промышлять?

– Век свободы не видать, начальник, я масть не менял.

– А скажи тогда, может, кто у тебя оставил что-нибудь?

– Это было. В среду серьезные люди банчик держали, так с ними двое залетных из Питера были. Они у меня чемоданчик оставили.

– А где он?

– Да в комнате за печкой-голландкой.

Надо сказать, что центральное отопление сюда провели в сорок седьмом, а печи в комнатах так и остались.

– Смотри, Стольник, мы с чемодана отпечатки снимем, если твои пальчики на нем есть, пыхтеть тебе на нарах целый пятерик.

– Я, начальник, тебе по совести все сказал.

Эксперт занялся чемоданом. Снял отпечатки.

– Теперь расскажи про залетных, Стольник. Колись, прежде чем я понятых позову и вскрыю чемодан.

– Одного звали Мишей, второй – Коля Лиговский.

Мы пригласили понятых, вскрыли чемодан, а там и часы и кольца.

То, что Борька не трогал чемодан, я был уверен, но урки питерские должны были за ним прийти.

И сели мы в засаду. Два дня пили чай с бутербродами и толковали с Витькой за жизнь.

А вечером на третий день в дверь постучали условным стуком. Короче, повязали мы этих орлов. Их и Стольника повезли на Петровку. Борька перед отъездом мне ключи отдал:

– Борис Сергеевич, если меня окунут, отдай их моей сестре.

Я в последний раз обошел квартиру и направился к дверям. Случайно посмотрел на дверь в комнату и вижу, что наличник немного от стены отошел.

Не знаю, что на меня нашло. Я взял стул и отодрал его от стены.

На пол упал небольшой сверток. Я развернул пыльную материю, потом кусок старой выцветшей газеты и увидел браслет.

Я по ювелирке не специалист, но он был из золотых нитей, соединяющих десять больших зеленых камней.

Я пошел в комнату, включил свет. Протер платком камни, и они засветились, как ведьмины слезы. И понял я, что вещь эта большую цену имеет. Не знаю, что со мной случилось, а только я наличник обратно прибил, а мусор под дверями в совок собрал и в сортир выкинул.

Потом внимательно тряпку рассмотрел. Старая она была, разлезлась от ветхости, а кусок газеты был от первой страницы «Известий». Я даже год рассмотрел – 1923-й.

Нет, не знал Стольников об этом браслете, видимо, его спрятал папаша или кто-то из лихих ребят, что на этой малине крутились.

Я тогда себя на странном чувстве поймал. Ни один человек об этом браслете не знает. Продать его и зажить бы совсем другой жизнью. И тут я себя на поганой мысли поймал. А ведь я-то наличник прибил, мусор убрал, вроде как заметал следы.

И стыдно мне стало. В сорок пятом у главаря налетчиков Бражникова изъясил банку поллитровую, полную бриллиантов, – и ничего. А здесь...

Завернул я браслет в газету и тряпку, закрыл квартиру и из автомата позвонил Парфентьеву. Он на работе был.

– Ну, что у тебя?

Докладываю: так, мол, и так.

– Боря, тебе за этих залетных спасибо, премию получишь, теперь же иди домой спать. А завтра цацку эту принесешь и рапортом оформишь.

Вот так и поехал к себе на Пресненский Вал, в коммуналку. Ехал и ощущал себя богатым человеком.

А утром в конторе написал рапорт, сдал браслет. Так меня потом таскали по инстанциям, все допытывались, что, кроме браслета этого, утаил.

Как-то ко мне начальник отдела Скорин зашел и говорит:

– Знаешь, чей браслет ты нашел? Мадам Рябушинской.

Подожди, я тебе фотографию найду. Наш эксперт снял, положил мне на правую руку и сфотографировал на память.

В 1912 году председатель правления Московского банка, Московского коммерческого суда и Биржевого общества Михаил Павлович Рябушинский отмечал юбилей свадьбы. Специально к этому дню в мастерской известного мастера по серебру ювелира Грачева были заказаны золотой портсигар, на крышке которого была выложена изумрудами монограмма, и браслет из десяти огромных уральских изумрудов.

Через пять лет Рябушинские не стали дожидаться, когда к власти придут веселые матросы и озлобленные окопные солдаты, и покинули пределы бывшей империи.

Семья Рябушинских была одной из самых богатых в России. Деньги свои и ценности они держали не только в Московском банке, но и в Лионском кредите, и в Лондоне.

В особняке на Спиридоновке остались пожилой швейцар и управляющий – караулить хозяйское добро.

После Октябрьского переворота, когда власть перешла к Советам, в дом пришел председатель районного Совета. Обошел все комнаты и велел управляющему беречь зеркала и ценную мебель, ковры и гобелены, картины и бронзу, которые стали народным достоянием.

Председатель оставил номер Арбатской милицейской части, куда управляющему нужно было телефонировать в случае налета.

А через три дня вечером раздался стук в дверь. В дом вошли трое в бескозырках, кожаных куртках, с маузерами. Они предъявили бумагу на бланке Московского Совета, в которой говорилось, что представители особой группы должны произвести обыск и изъятие буржуазных ценностей. Матросы оказались ребятами сноровистыми и ценности изымали умело.

В будуаре мадам Рябушинской нашли шкатулку, в которой лежали забытый второпях хозяйкой браслет с изумрудами и два кольца, больше ничего особо ценного не было, и матросы начали выгребать серебряную посуду и вазы работы Фаберже.

Когда буревестники революции принялись стаскивать со стен гобелены, управляющий почувствовал неладное и велел швейцару позвонить в милицию.

Арбатская часть располагалась поблизости, поэтому летучий отряд уголовно-разыскной милиции прибыл быстро.

Революционные матросы, поглощенные увязыванием узлов, поздно заметили опасность. Один был сразу же убит, второй арестован, а главарь прихватил саквояж с ценностями и скрылся.

На допросе задержанный показал, что он – Яков Дубинский по кличке Яша Ребенок, убитый – Иван Чахотка, а главарь – некто Роман Радолевский по кличке Бессарабец.

В семнадцатом году они были амнистированы Керенским. Достали документы контрразведки, офицерскую форму и в Петрограде промышляли самочинками (самочинными обысками) в квартирах спекулянтов и дельцов.

После переворота уехали в Москву, где и переоделись в матросов.

Так впервые браслет мадам Рябушинской попал в милицейский протокол.

А Ромка Бессарабец исчез из Москвы. Но в архивных документах ударной группы по борьбе с бандитизмом ВЧК и угрозыска кличка эта всплывала при ограблении банка в Екатеринославе, дерзких квартирных налетах в Ростове-на-Дону, Киеве, Одессе.

В ночь с 22 на 23 декабря 1923 года была ограблена касса правления Кожсиндиката в доме номер 4 на Покровском бульваре. По тем временам обычное ограбление, если бы не одна любопытная деталь: несгораемый шкаф фирмы «Брилль и сыновья», сработанный в Германии из стальной брони, невозможно было вскрыть ни подбором ключа, ни взломать. Однако его распотрошили при помощи самого прогрессивного воровского метода – автогенной горелкой, как было написано в протоколе: «...был расплавлен особым, по последнему слову техники аппаратом».

Налетчикам повезло, добыча была богатой. Из сейфа взяли червонцы, облигации хлебного и золотого займов, сертификаты НКПС – всего на сумму 439 тысяч 842 рубля золотом.

Сторожа Степанова оглушили и связали, а двое охранников оказались их поделельниками.

Оперативники ОГПУ и угрозыска были людьми отважными, но малоопытными, а криминалистика – это наука. Пришлось обратиться за помощью к специалисту по медвежатникам – бывшему чиновнику для поручений сыскальной полиции Румянцеву, которого совсем недавно уволили из угрозыска, как «чуждого пролетариату элемента».

Он осмотрел сейф и рассказал, что в пятнадцатом году таким же методом был вскрыт сейф в ювелирной торговле на Петровских линиях в Москве. Работать с такой аппаратурой в городе могут только два человека – Андрей Чесноков и Рудольф Вагановский по кличке Рутька.

Чесноков сидел в тюрьме, а приметы Вагановского были разосланы во все отделы угрозыска РСФСР. И вот в маленьком городке Фатеже Курской губернии был задержан человек с документами Оскара Карловича Миллера. При обыске у него обнаружили червонцы и обли-

гации золотого займа. Вагановского доставили в Москву, и там его опознал сторож Кожсиндиката как одного из участников налета.

Вагановский не стал запирается, да это было бессмысленно, и он поведал чекистам кошмарную историю своего падения. Однажды вечером в дверь его квартиры позвонили. Гостем оказался знакомый налетчик Игнатий Маевский. Он и предложил старому медвежатнику встретиться с деловым человеком. Дела у Рутьки шли неважно, он давно уже отошел от воровской профессии, а мастерская металлоремонта доходы приносила мизерные.

На малине Моси Шапиро на Средней Переяславской улице его ждал Ромка Бессарабец. Вагановский удивился, что на левой руке знаменитый налетчик носил женский браслет с изумрудами. Ромка предложил верное дело: вскрыть сейф фирмы «Брилли и сыновья» в кассе Кожсиндиката. Вагановский согласился, но при условии, что не будет крови. Ромка поклялся, что дело обойдется без мокрухи. Рутька вскрыл сейф, получил долю, в ту же ночь свалил из Москвы и больше никого из подельников не видел.

Оперативники ударной группы тут же рванули на малину Моси Шапиро. Там пьянствовали мелкое местное ворье и один залетный, у которого оказались документы на имя Бориса Гольдфарба. Оперативники на всякий случай замели его и отволокли на Лубянку. И тут им необыкновенно повезло. Гольдфарб не только стал немедленно каяться во всех своих мелких грешках, которые мало интересовали ОГПУ, но и проявил искреннюю готовность помочь найти Радолевского и его людей.

Когда для проверки его спросили, что носит Радолевский на левой руке, он немедленно ответил: «Женский браслет с изумрудами, который считает своим талисманом». Договорились на том, что ему простят всю мелочовку, если он выведет на Радолевского. Гольдфарба отпустили, но послали за ним наружку. Однако искренне раскаявшийся мелкий воришка оказался человеком опытным и ушел от хвоста через проходные дворы. Вот тогда и выяснили незадачливые чекисты, что человек с документами Гольдфарба на самом деле Мишка по кличке Гомельский, известный налетчик из Питера.

В сыске умение и знание оперативной обстановки, пожалуй, лишь часть успеха, остальное, как говорят блатные, «фраерское счастье». Вот оно и выпало сотрудникам МУРа в обувном магазине на Театральной площади. Разыскиваемый ОГПУ и милицией Гомельский спокойно покупал модные остроносые туфли «шимми».

На этот раз его повели жестко. Гомельский поехал на Арбат, зашел в ювелирный магазин и, выбирая портсигар, внимательно изучал двор магазина, дверь черного хода – видимо, проводил разведку для будущего налета. Потом взял извозчика, поехал на Большую Дорогомиловскую. Перепроверился и вошел в дом номер 8.

В этом доме находился притон Яшки Кабанчика, в миру Якова Пономаренко.

Утром следующего дня, на выходе из дома, Гомельский был задержан. На этот раз он понимал, что от расстрела его может спасти только реальная помощь оперативникам. Пришлось расколотся и рассказать, что его опять послали в разведку на Арбат в ювелирный, который будут брать сегодня в ночь, а на малине его ждут Радолевский, Васька Грек, Васька Кошмота и Мишка Рыжий – короче, весь цвет московских налетчиков.

Федор Мартынов, начальник ударной группы, человек, которого боялись и уважали все серьезные уголовники, сказал Гомельскому:

– Я не хочу крови. Если ты сможешь нам скрытно войти на малину и повязать твоих дружков, то даю слово, что сам пойду к председателю Особого совещания и буду просить о смягчении тебе наказания. Уедешь в лагерь, но жить будешь.

Гомельский знал, что Мартынов держит слово, и сразу же согласился.

Вечером малину плотно обложили оперативники. Гомельский шел с группой захвата. Он условным стуком побарабанил в дверь.

– Кто? – спросил хриплый голос.

– Это я, Мишка Гомельский.

– Один?

– Нет, с легавыми.

За дверью захохотали, и загремели замки.

Оперативники ворвались в прихожую. Но Яшка Кабанчик отскочил и захлопнул вторую дверь.

Бандиты начали стрелять.

Радолевский с маузером в руке выпрыгнул из окна, но подвернул ногу, не мог бежать и сдался.

На допросе Мартынов спросил:

– А где ваш талисман, изумрудный браслет, который вы украли в особняке Рябушинского?

– Проиграл в карты, – усмехнулся Бессарабец.

Так на долгие годы браслет с зелеными камнями исчез. Возможно, Радолевский, прежде чем выпрыгнуть в окно, спрятал его за наличником двери, а более вероятно, что «прокатал» в очко Яшке Кабанчику. Ему надо было прорваться сквозь кольцо оперативников, и у него не было времени так аккуратно завернуть браслет.

– Я тебе сейчас покажу фотографию браслета, – сказал Борис Сергеевич.

Он долго копался в папке и принес черно-белый снимок. На нем я увидел ажурную вязь металла и крупные камни. Браслет на снимке лежал на запястье.

– Вот такая память у меня осталась от дорогой находки, – сказал Борис Сергеевич.

На его руке, лежавшей рядом со снимком, поблескивал циркониевый браслет. Он был значительно наряднее, чем тот, на черно-белом снимке.

– Вот и я к старости, – сказал Борис Сергеевич, – браслетиком обзавелся. Хожу, как Ромка Бессарабец. Он, правда, недорогой, но зато полезный, – утешил он себя.

Два браслета, а между ними целая жизнь.

И я почему-то вспомнил, как он заметал следы на малине у Стольника. Наверняка существует какая-то неведомая сила в драгоценных камнях. Пусть ненадолго, но оказывают они свое магическое действие на человека.

У некоторых вещей есть своя печальная история. Они исчезают, чтобы неожиданно вернуться. Интересно, кто теперь носит браслет мадам Рябушинской? Знает ли владелица о его кровавой судьбе?

Вполне возможно, что ради него вновь совершаются убийства и налеты и он вновь всплывет в протоколах угрозиска.

Уж очень похожи на ведьмины глаза большие изумруды.

Подкоп в новогоднюю ночь

Героя этой истории я знал лично. В мои молодые времена по улице Горького постоянно прогуливался человек лет шестидесяти пяти, всегда прекрасно одетый, интересный и весьма значительный. С ним раскланивались и останавливались для беседы самые солидные теневики, любившие пройти по московскому Бродвею.

Я встречал его в ресторанах с красивыми шикарными дамами и хорошо помню, что он ездил на трофейной машине ДКВ белого цвета.

Одним словом, весьма заметный господин московского полусвета. Должность он занимал весьма скромную, работал старшим администратором сада «Аквариум».

Но тем не менее он любил рискнуть на бегах и в компании заядлых московских преферансистов занимал не последнее место.

Сад «Аквариум», где теперь вход в театр Моссовета, был тихим и уютным оазисом в самом центре Москвы. Прекрасный летний кинотеатр, а в глубине, в искусно сделанной раковине помещалось славное кафе, в котором радовали клиентов свежайшим пивом.

Как-то мы сидели в этом милом заведении с замечательным сыщиком Игорем Скориным и старейшим муровским сыщиком Алексеем Ивановичем Ефимовым. Он пришел в угрозыск еще в развеселые времена НЭПа и был одним из первых оперативников, получивших в тридцатых годах орден «Знак Почета» за знаменитое дело об убийстве учительницы Прониной в городе Мелекесе.

Мы пили пиво и разговаривали, когда мимо нас прошел уже знакомый мне старший администратор и вежливо поклонился моим собеседникам.

– Видишь, Игорь, – сказал Ефимов, – лично Борька Скорняков.

Скорин засмеялся и долго смотрел вслед элегантному господину.

Много позже Ефимов показал мне старые протоколы и рассказал забавную историю.

Самый разгар НЭПа, двадцать шестой год. В Столешниковом – огромный магазин шелков Скорнякова. Владелец его входил в десятку самых богатых московских коммерсантов. Был бездетным, и единственным наследником его стал племянник Борис. Работал он клерком в конторе московского издания сменовеховской газеты «Накануне», издававшейся в Берлине, жалованье получал маленькое, но очень любил красивую жизнь.

Бега, модный московский сад Эрмитаж, кабаре «Нерыдай» и, конечно, казино на Триумфальной площади. Было такое заведение в те годы в Москве, деньги, полученные от рулетки и за зеленым столом, шли в помощь беспризорным детям.

Борис Скорняков оказывал посильную помощь беспризорникам, оставляя на рулетке и пти-шво¹ весь свой заработок и вспомоществование дорогого дяди.

Деньги ему были нужны чудовищно, но с уголовщиной он связываться боялся.

В ресторане «Ампир» он познакомился и подружился с Леонидом Крафтом, бывшим краскомом, уволенным из армии после партийной чистки.

Однажды, когда с деньгами у друзей стало совсем плохо, Крафт поведал Борису интереснейшую историю. Когда-то он был порученцем знаменитого авантюриста времен Гражданской войны командарма Юрия Саблина. В Москве красный военачальник проживал в гостинице «Метрополь», где в те годы жила вся большевистская верхушка.

Так вот, Крафт точно знал, что в своем номере Саблин припрятал золото и камни, громадные ценности, отбитые в качестве трофеев у белогвардейцев.

Решение возникло сразу: обыскать номер и найти искомое.

Но как это сделать? Даже во времена НЭПа в «Метрополе» было непросто снять номер.

Кладоискатели одолжили денег, где могли, нашли ход к администратору гостиницы, и им удалось за крупную взятку снять бывший номер Саблина на новогоднюю ночь.

* * *

В роскошном «Метрополе» гуляли и веселились московские коммерсанты и прочие модные люди. А Крафт и Скорняков обыскивали номер.

Уж время подошло к трем часам, а следов сокровищ так и не обнаружилось. Друзья приуныли. Решили напоследок поднять вытертый ковер, закрывавший весь пол в гостиной.

Подняли и обратили внимание, что паркетные плитки ровно посередине комнаты были чуть иного цвета и образовывали большой квадрат. Они подняли этот квадрат, и вот он –

---

¹ Пти-шво (*фр.* petits chevaux) – настольная игра, имитирующая бега на ипподроме.

знаменитый клад Саблина. Толстая медная доска была прикручена к доскам здоровыми гайками.

Разнообразным инструментом они запаслись и начали одну за другой отвинчивать гайки. Поддавались они с трудом. Видимо, постарался командарм Саблин, когда прятал свои сокровища.

Они отвинтили одну. Потом вторую, третью, четвертая оказалась самой тяжелой, но они поднажали и...

Внизу в ресторане раздался дикий грохот – рухнула вниз одна из люстр. Слава богу, что она упала в фонтан, поэтому никто серьезно не пострадал.

Медная доска оказалась креплением ресторанной люстры.

Скорняков и Крафт не успели опомниться, как в номер влетели милиционеры и, скрутив «кладоискателей», передали их дежурному оперу МУРа Алексею Ефимову.

Алексей Иванович Ефимов был человеком необыкновенным. Я познакомился с ним на гулянке по случаю годовщины МУРа. Невысокий, стройный, моложавый подполковник поразил меня набором орденов на груди кителя: Ленина, два – Красного Знамени, «Знак Почета» и Отечественной войны. Не считая боевых и юбилейных медалей.

– Как ты думаешь, сколько ему лет? – спросили меня.

– Под шестьдесят, – ответил я.

– Алексею Ивановичу уже давно за семьдесят.

Так я познакомился и подружился с оперативником, начавшим работу в МУРе еще в двадцатых годах.

Трудно рассказать обо всех операциях, в которых принимал участие Алексей Иванович, но одна из них была весьма любопытна.

В двадцать восьмом году милицейская многотиражка напечатала статью «Муровцы прекрасно работают».

«Четвертым районом МУРа во главе с помощником инспектора Е. М. Максимовой и А. Н. Жуковым раскрыто дело о краже с подкопом из магазина Госторга на Б. Дмитровке мехов на 22 тысячи рублей. Виновник – сын бывшего начальника Московской сыскной полиции С. Швабо и его соучастники были арестованы и преданы суду».

Репортеры из милицейской газеты ошиблись. Казимир Станиславович Швабо никогда не был начальником московского сыска. Свою службу в полиции он начал со скромной должности сыщика в летучем отряде. В те годы это полицейское подразделение было самым боевым. Сотрудники его работали по всей Москве. Они ловили карманников в трамваях и на рынках, занимались квартирными кражами, сажали за решетку конокрадов и собачьих воров, ловили уличных грабителей.

Работа в летучем отряде давала его сотрудникам неоценимый опыт и прекрасное знание преступного мира Москвы. Казимир Швабо был отличным сыщиком, получил все причитающиеся полицейскому, служащему без классного чина, медали и был повышен.

Он стал надзирателем сыскной полиции в Тверской полицейской части. Это была самая сложная территория в Москве. Все модные и ювелирные магазины, богатые квартиры, лучшие кофейни и рестораны.

Швабо еще в летучем отряде создал весьма сильный агентурный аппарат, поэтому ему удалось расстроить несколько крупных магазинных краж и квартирных грабежей. Он был отличным профессионалом и без всякой «руки», которая проталкивала бы его по служебной лестнице, к 1915 году выбился в чиновники для поручений Московской сыскной поли-

ции. И хотя чин был пожалован ему всего XII класса – губернский секретарь, что в наше время равно лейтенанту милиции, он стал одним из четверых старших оперативных работников московского сыска и получил должность весьма перспективную для роста. Курировал Швабо по-прежнему Тверскую полицейскую часть, где у него сложились прекрасные рабочие отношения.

Чиновник полиции получал неплохое денежное содержание, и Швабо нанял квартиру в Ермолаевском переулке, дом номер 7, у него был установлен телефонный аппарат номер 160-76. Надо сказать, что чиновникам полиции в те годы квартиру оплачивало государство.

Семья у него была небольшая. Он, жена, сын Станислав, гимназист. Швабо мечтал, что сын, получив аттестат, поступит в Институт инженеров путей сообщения. В те годы инженер был весьма уважаемым и обеспеченным человеком.

Жизнь шла своим чередом. Швабо ловил мазуриков, жена вместе с кухаркой хлопотала по дому, а сын прилежно изучал науки. Но однажды ночью в начале декабря 1916 года в квартире зазвонил телефон. Швабо снял трубку и услышал голос своего агента, предложившего ему встретиться в десять часов в Нескучном саду. Агент телефонировал из ресторана, так как на квартире у него телефона, естественно, не было.

Морозным декабрьским утром они встретились в Нескучном саду. Агент был человеком солидным, походил на степенного купца.

– Слышь, Станиславович, – начал он сразу же, – Веденяпин объявился.

– Интересно, и поэтому ты мне ночью телефонировал?

– За фрею меня не держи, Веденяпин дело ставит.

– Какое?

– Ювелирный магазин. «Пале-Рояль» помнишь?

– Кузнецкий Мост, дом номер 5.

– Точно. Так он его взять хочет.

– Он же медвежатник, налеты не его дело.

– Он подкоп готовит, чтобы в новогоднюю ночь сейфы потревожить.

Швабо, взяв лихача, погнал его в Гнездниковский, где помещалась сыскальная полиция, и пошел в кабинет начальника – коллежского советника (полковника) Маршалка.

От такой новости у Карла Петровича немедленно улучшилось настроение. Еще бы, взять с поличным такого воровского «ивана», как Веденяпин по кличке Лапа! (В те годы «иваны» были тем же, что нынче «воры в законе».)

Операцию разработали быстро. Агент сообщил, что две недели назад у истопника дома номер 5 началась типичная болезнь российских интеллигентов – запой. Поэтому Александровский комитет прислал на эту должность увечного воина, георгиевского кавалера. Воин этот на фронте ни одного дня не воевал, а был тверским вором-форточником Соловьем.

Ночью Соловей и Веденяпин сотоварищи рыли подкоп, чтобы попасть в магазин в праздничную ночь, когда сторожа на улице уже пьяные, а городской делает обход квартир с поздравлениями, получая в каждой рюмку водки и серебряный рубль.

Продумано было точно, с учетом российского менталитета.

Через неделю Швабо с двумя надзирателями подъехал в магазин и попросил управляющего вызвать к себе истопника и держать его до особого распоряжения.

Навесной замок ловко открыли отмычкой, попали в котельную и обнаружили подкоп: теперь надо было ждать.

В канун Нового года торговля у ювелиров шла как никогда успешно. Народу в магазине было битком. Поэтому никто не обратил внимания на десять солидно одетых господ, в разное время пришедших в магазин.

Наконец «Пале-Рояль» закрыли, а господа остались в служебных помещениях. Нортонские часы в торговом зале пробили двенадцать раз, послышался удар, и паркет треснул. В пустой зал влезли четверо. Двое пошли потрошить витрины прилавков, а двое направились в комнату, где стояли сейфы.

Веденяпин был медвежатником опытным и первый сейф вскрыл через полчаса. Когда он начал перегружать деньги и драгоценности в объемистый саквояж, вспыхнул свет, и вместо Деда Мороза появился Швабо с браунингом в руке, а с ним девять молодцов из летучего отряда.

– Руки вверх! Все арестованы.

Один, самый шустрый, прыгнул в лаз, но там его уже ожидал помощник пристава с городовым.

Градоначальник генерал Климович оценил работу сыщиков, все получили награды, а Швабо – очередной чин – коллежского секретаря – и прицепил на погоны еще одну звездочку.

По случаю сыскной удачи и нового чина Швабо устроил дома прием для сослуживцев, на котором много говорили о подкопе и Веденяпине, поздравляли Швабо и желали счастья его сыну, гимназисту Стасику.

А потом грянула Февральская революция, и демократическая власть разогнала старых сыщиков, запретила агентурную работу, как позорящую гражданина свободной России, и объявила всеобщую амнистию. После так называемой перестройки мы хорошо представляем, как это происходило.

Страна погрузилась в уголовный террор.

Исчез Казимир Швабо, а сынок его не стал инженером-путейцем и выбрал другую дорогу – воровскую.

Летом 1928 года к дежурному по МУРу поступило сообщение о краже мехов в магазине на углу Столешникова и Большой Дмитровки. Оперативная группа во главе с инспектором Екатериной Максимовой прибыла на место происшествия. В торговом зале ничего украдено не было. Все меха и изделия оказались на своих местах. Максимова крайне удивилась.

– Так что же у вас украли? – спросила она директрису.

– Пойдемте в подвал. Там у нас хранилище.

Перед оперативниками предстали три взломанных шкафа.

– Здесь мы хранили самые ценные меха, – пояснила директриса.

Опера внимательно осмотрели подвал. Попасть сюда можно было только через торговый зал. И тут они заметили узкий лаз, пробитый между ступеньками кирпичной лестницы.

– Куда он ведет? – спросила Максимова.

– Не знаю, вчера его не было, – вздохнула директриса.

Ефимов, как самый молодой и худенький, зажег карманный фонарик и полез в щель. Сначала он попал в какой-то колодец, в котором виднелась нора. Ефимов полез дальше и оказался в небольшом отсеке, где стояли бочки, ящики, ведра, заполненные землей. Над его головой зияла дыра.

Он подтянулся на руках и оказался в котельной, заваленной землей. Дверь была открыта, и он вышел на улицу.

Ограбление, видимо, произошло в субботу, так как магазин не работал в воскресенье и понедельник. Следовательно, у грабителей было в запасе целых два дня, чтобы спрятать награбленное.

Старшей группы по расследованию преступления была назначена Максимова – единственная женщина-инспектор во всей столичной милиции.

Началась обычная оперативная работа: опросы, накачка агентуры. Поднимались архивы. Искали аналогичный преступный почерк. Только архивы Московской сыскной

полиции поднять они не могли, так как он практически весь был похищен уголовниками в феврале семнадцатого, когда они вместе с демократической общественностью громили учреждения полиции.

И конечно, проводились любимые мероприятия того времени – облавы. В Москве трещали блатхаты и малины, тайные катраны и дома свиданий. Скорняков и портних чуть не ежедневно таскали в милицию.

На одной из малин в Зоологическом переулке, которую держали сестренки-двойняшки, прихватили, среди прочих, домушника Карпушу. Уж больно не понравились инспектору Жукову его забинтованные руки.

В МУРе врач снял бинты, и Максимова увидела на Карпушиных руках мозоли, кровоподтеки и ссадины. Воровские руки в мозолях! Такого, пожалуй, никто не видел.

– Скажи-ка мне по душе, Карпуша, где ты так руки натрудил?

– А что говорить, – закурил дорогую папиросу вор. – Я на бану в картишки кинул с какими-то фраерами, выиграл, а они монету отдавать не захотели, вот и подрался с ними.

Максимова пригласила медэксперта, и он, обследовав раны, дал заключение, что нанесены они в разное время металлическим предметом. Возможно, при работе ломом.

Но Карпуша о подкопе и магазине ничего слышать не хотел и твердо стоял на своем.

Времена тогда были веселые, и вора отправили в камеру. Начался самый ответственный период, как говорят оперативники, «работа понизу». Хоть и битый вор был Карпуша, но не смог распознать одного из лучших камерных агентов. Тот, по версии, уходил на волю, с ним Карпуша решил передать записку. Она была адресована его подруге, проживавшей в Кондратьевском переулке. Агент отправился по адресу. Там его встретила молодая красивая женщина, которая, прочитав записку, сказала:

– Ничего ему делать не буду. Он, паскуда, пообещал подарить мне каракулевое манто, а сам его загнал и деньги пропил. Ты к его дружкам иди, пусть они ему помогают.

– А где я их найду? – изумился агент.

– А они в Ермолаевском переулке на хате у Стасика гуляют.

Немедленно в Ермолаевский выехала группа оперативников. В квартире был задержан Станислав Швабо и еще один хорошо одетый мужчина. Документы у обоих были в полном порядке. В комнатах никаких следов пьянки, которые обычны для блатхат. Приличная квартира вполне приличного человека.

Обыск длился три часа. Ничего хотя бы отдаленно напоминающего мех найти не удалось. А слова подруги Карпуши, что его дружки гуляют у Стасика, были не чем иным, как непроверенной оперативной информацией.

День стоял жаркий, и окна в квартире были открыты. Только на кухне они почему-то оказались на задвижках. Окна эти выходили на глухую стену соседнего дома. Инспектор Жуков вместе с Ефимовым открыли окна и увидели крепкие просмоленные веревки, прикрепленные к заранее вбитым металлическим костылям. Потянули за них и подняли в квартиру два мешка, набитые мехами.

На допросе Станислав Швабо показал, что большую часть мехов он отправил в Барановичи, чтобы контрабандисты переправили их в Пинск, на польскую территорию.

Архивы – удивительная вещь, в них находишь самые невероятные документы. Заметку из милицейской газеты о «сыне начальника Московской сыскной полиции Станиславе Швабо» Алексей Иванович Ефимов показал мне лет тридцать назад. Тогда это имя мне ничего не сказало. Но, начав работу над романом о Московской сыскной полиции, я увидел, что на самом деле с 1900 по 1917 год эту сложную службу возглавляли всего три человека: надворный советник Платонов, коллежский советник Кошко и коллежский советник Маршалк.

Казимира Швабо я разыскал среди высших чиновников для поручений сыскной полиции. В заметке было сказано: Швабо бежал за границу. Думаю, что нет, за границу уехал последний начальник московского сыска Карл Петрович Маршалк, причем не бежал, а покинул страну с разрешения Московского Совета.

Странная история семьи Швабо. Наверное, если бы не революция, Станислав стал бы инженером-путейцем, а его папаша дослужился бы до высоких полицейских чинов. Но в размеренную веками жизнь ворвались две революции, разрушили ее, и люди стали совершать поступки, на которые они, казалось, не были способны.

Как значилось в архивах, Станислав Швабо был высокопрофессиональным и удачливым преступником. Думаю, бывший гимназист из общения с отцом и его сослуживцами получил отличное знание уголовных приемов и методов.

Сын чиновника для поручений был не одинок. Мне приходилось сталкиваться с преступниками – детьми высоких милицейских начальников. Жизнь, кроме всего, – преемственность зла. Никто не может сказать, что толкает вполне обеспеченного и образованного человека на воровскую дорогу. Объяснить это невозможно. Этому можно только противостоять. Что и делали мои ушедшие из жизни друзья-сыщики и продолжают делать живые.

Провинциальный детектив

Поезд пришел в начале седьмого, и мне ничего не оставалось, как коротать два часа до начала рабочего дня в станционном буфете. Я пил жидкий теплый кофе, жевал полузадохшую калорийную булку и смотрел в окно на покрытую снежной жижей привокзальную площадь.

Дремал за стойкой буфетчик, положив на руки плешивую голову с редкими клочками седых волос; переливались за его спиной рубиновым цветом бутылки портвейна и наливки.

Время тянулось медленно, как телега по разбитой осенней дороге, и я начал отключаться на секунду, подремывать над стаканом остывшего чая.

Я приехал в «стольный» город Скопин в 1958 году, чтобы встретиться с героем будущего очерка, которого год разыскивал в военных архивах. Полковник Емельянов служил военкомом в городе, именуемом «сердцем» «подмосковной кочегарки», в переводе на общедоступный язык Скопин считался центром Подмосковного угольного бассейна.

Я вышел на площадь и пошел в сторону центра. Город был приземистый и малоэтажный. Старые деревянные дома перепутались с уродливыми бараками времен начала построения социализма. В некоторых местах на улицах лежали дощатые тротуары.

Центр был такой же, как в десятках провинциальных русских городков: кирпичные торговые ряды, здание с колоннами, в котором размещался местный штаб ленинской партии, основательно сработанный еще в прошлом веке дом, где ранее был скопинский банк. Поглядев на его массивные стены, я почему-то вспомнил знаменитую картину «Крах банка».

В конце XIX века знаменитый судебный следователь статский советник Гончаров вел дело о фальшивом банкротстве скопинского банка. Тогда по Москве ходило двустишие:

Много в Скопине воров,
Половил их Гончаров.

Я постоял, посмотрел на здание банка, более напоминающее форт времен Крымской войны, и пошел в военкомат. Не думал я тогда, что через два десятка лет банк этот вновь прогремит на всю страну.

Управляющий банком приходил на службу за полчаса до начала рабочего дня. Он появлялся в конторе первым и уходил последним, свято считая, что служащие должны всегда видеть своего руководителя на посту.

До банка от дома пешком – не больше семи минут, но он работником числился номенклатурным, машина ему полагалась по должности, поэтому каждое утро за ним приезжала черная «Волга».

И в этот день он сел в машину, развернул городскую газету, но просмотреть ее не успел. – Приехали, – доложил шофер.

– Жди меня здесь, – скомандовал управляющий и вышел из машины.

Он привычно нажал кнопку звонка, ожидая дежурного милиционера. Свет в вестибюле горел, но на звонок никто не реагировал. Такого за много лет его работы не было никогда. И он понял, что случилось что-то непоправимое.

– Поезжай в милицию! – крикнул он шоферу. – Я останусь здесь.

Милиция была совсем рядом, и минут через семь появился опер, дежуривший «на сутках», а с ним наряд с автоматами.

Дверь вскрыли. Вошли в помещение.

В вестибюле в луже крови лежал дежурный милиционер. Рядом валялся его пистолет.

Двери в хранилище были распахнуты, сигнализация блокирована. Управляющему стало дурно. Именно в его банке находилась часть неприкосновенного денежного запаса СССР.

Примчавшийся эксперт быстро определил, что сейфы пытались вскрыть, но не смогли. Началось следствие. И поскольку в скопинском банке хранился стратегический запас дензнаков, немедленно появились ребята из КГБ. Их версия была простой и незатейливой, как грабли: происки наймитов вражеской разведки.

А через десять дней у дежурного по МУРу раздался странный звонок. Незвестный, выражаясь приклатненным языком, сказал: «В Скопине кумовья не там копают. Ищите, где жарко».

Об этом звонке начальник МУРа Корнеев немедленно доложил руководителю Главного управления уголовного розыска страны генерал-лейтенанту Карпецу.

А на следующий день Карпеца вызвал к себе министр внутренних дел Николай Щелоков. Вызвал и приказал возглавить специальную группу и лично проводить оперативно-разыскные действия по скопинскому банку.

Генерал Игорь Карпец возглавлял уголовный розыск страны одиннадцать лет. Он поставил своеобразный рекорд долголетия пребывания на этом посту. Это был весьма интеллигентный человек с манерами истинного петербуржца. Он был не только генералом, но и доктором наук, ученым с мировым именем, его постоянно избирали вице-президентом Международной ассоциации юристов-демократов.

Мы много лет дружили, именно он посвящал меня во многие криминальные тайны застойного времени, которые впоследствии стали основой для моих публикаций.

Его не любило начальство. Слишком часто оперативники Карпеца занимались коррупционными делами. Слишком много знал начальник ГУУРа СССР о злоупотреблениях сильных мира сего и шалостях их детей. Его надо было убрать, так как он слишком близко подошел к бриллиантовой мафии.

Но избавиться от него нужно было изящно и спокойно. Поэтому его и послали в Скопин, на явно «глухое» дело.

«Глухарь», он и есть «глухарь», но ответить за него могут многие.

Щелоков не учел одного. Конечно, Карпец был видным ученым, но он был еще и прекрасным сыщиком. Милицейскую карьеру начал в своем родном Ленинграде, где прошел все ступеньки – от опера до начальника ЛУРа.

Игорь Карпец по собственному опыту знал, что большие оперативные группы не всегда нужны при разработке такого дела, как убийство в Скопине, поэтому с собой взял прекрасного аналитика полковника Бориса Слободина, работника ГУУРа и одного из лучших сыщиков Москвы старшего инспектора МУРа Вячеслава Котова.

Попытка ограбления банка в те годы была событием экстремальным. Можно вспомнить, что творилось в ЦК КПСС и, естественно, в МВД после того, как лихие ребята «подломили» в июне 1978 года ереванский банк. Но там обошлось без крови, а здесь налетчики пошли на мокруху – значит, они были людьми опытными и беспощадными.

Поначалу сотрудники ГУУРа решили отработать всех медвежатников. Но эта почтенная когда-то воровская профессия во времена застоя практически оказалась невостребованной.

Игорь Карпец рассказал мне, как они с полковником Корнеевым ездили в Салтыковку, где в собственном доме проживал экс-король медвежатников Серафим Полуянов. После традиционного чая он сказал:

– Мое слово такое, гражданин генерал, настоящий специалист в скопинский банк не пойдет.

– Почему?

– Там до сих пор стоят старые сейфы знаменитой фирмы «Брилли и сыновья». Открыть такой сейф в нашей стране может сегодня только один человек.

– Кто же это? – спросил Карпец.

– Я, – спокойно ответил Серафим Полуянов по кличке Лапа.

Следовательно, брать банк шли люди лихие, но мало профессиональные. Убить они не побоялись, а с сейфами справиться не смогли.

Карпец прекрасно понимал, почему именно его, начальника главка МВД, посылают старшим группы. Обычно на такие мероприятия выезжали начальники отделов или, в исключительных случаях, его замы. Он знал, какие интриги плетутся в здании на Огарева, 6.

Итак, небольшая бригада прибыла в Скопин. Приезд в Рязань такого высокого чина из МВД вызвал беспокойство не только среди областных милиционеров, но и в обкоме КПСС.

В первый день они работали с материалом. Карпец рассказал мне, что сразу же после приезда к ним словно приклеились не просто местные чекисты, а оперативники, присланные из центрального аппарата КГБ. В течение всего следствия они пристально следили за работой специальной группы, и, надо сказать, их усилия не пропали даром. После раскрытия преступления они первыми доложили Цвигуну, что именно их усилиями была ликвидирована преступная группа.

Данные экспертизы показали, что дежурный милиционер был убит из собственного табельного оружия. Никаких других следов на теле покойного не было. Его не пытались оглушить, не душили, не избивали.

Завладеть оружием подготовленного человека непросто; вероятно, убийца знал старшину, более того, мог находиться с ним в приятельских отношениях.

Проверить связи убитого с уголовниками Карпец поручил Котову.

Я познакомился со Славой Котовым в 1973 году при обстоятельствах весьма печальных. У нас в редакции работал заведующим литконсультацией замечательный парень Володя Захаров. Он был добрым и талантливым человеком, но страдал, как и многие из нас, русской болезнью – любовью к «хлебному вину». И вдруг он пропал. В редакцию позвонили из милиции и сказали, что Володя погиб при непонятных обстоятельствах. Пошли слухи, что его убили, и меня попросили разобраться с этим делом.

Я приехал в отделение, где и познакомился со Славой Котовым, присланным из МУРа. Он уже тогда считался одним из лучших оперативников. Именно Котов «поднял» сложное дело, связанное с известной швейцарской фирмой.

В те годы в парке «Сокольники» постоянно устраивали международные торговые выставки. Для многих тысяч людей это была хоть и маленькая, но возможность заглянуть в узенькую щель «железного занавеса». На подобных выставках с утра и до позднего вечера всегда был аншлаг. То же самое было и на выставке «Интермаш-71».

Особым вниманием посетителей пользовался швейцарский павильон, на стендах которого были представлены часы самых знаменитых фирм. Надо сказать, что в то время фирменные часы пользовались в Москве огромным спросом. Носить швейцарские или японские часы считалось невероятно престижно. А как известно, за это надо платить. И фирменные часики стоили ломовые деньги.

За день до закрытия выставки служащие швейцарской фирмы утром вошли в павильон и увидели, что ночью кто-то утащил все часики.

Скандал разразился необыкновенный. Начальника МУРа Володю Корнеева вызвали в горком КПСС. Он потом поведал мне, какими матерными словами орал на него главный коммунист Москвы.

Дело принимало трагический оборот. Корнеев долго не раздумывал и поручил это дело Славе Котову.

Швейцарский павильон был оборудован самой современной сигнализацией. У всех входов постоянно дежурила милиция. Неизвестный преступник, отсоединив вентиляционный короб, через необорудованный сигнализацией люк проник в павильон.

Котов сразу же начал трясти весь русский обслуживающий персонал: сантехников, слесарей, переводчиков и официантов, работавших со швейцарцами. Но персонал немедленно взяли под защиту сотрудники КГБ, не любившие, когда менты трогают их агентуру. Кроме того, все работники павильона не имели связей с криминальным миром.

Правда, Котов остановил свое внимание на двух официантах, которые обслуживали именно этот павильон на других выставках. Но на проведение филигранной агентурной разработки не было времени. Начали проверять все ломбарды, комиссионные магазины. Трясли часовщиков из Столешникова, скупщиков краденого и, конечно, развеселых московских фарцовщиков.

А из горкома партии звонили ежедневно, обещая самые крутые наказания. Были оповещены пограничники, таможенники, даже МИД был подключен к этому делу.

Котов решил уделить особое внимание центру фарцовки тех лет – знаменитой комиссии на Садовой-Кудринской, на языке фарцы именуемой Кудрей. Решил – и не ошибся: его агент на встрече сообщил, что похожие часы он видел у одного из фарцовщиков, торгующего «котлами» и постоянно крутящегося на Кудре.

Подключили агентуру и выяснили, что этот человек продал двадцать пар швейцарских часов, полностью подходивших под описание украденных.

Допрос Котов начал в атакующей манере:

– Часы продавал?

– Ну.

– Так вот, ты начнешь мне лепить, что купил их для себя, потом решил продать. Думаешь получить сто пятьдесят четвертую статью. Пару лет прокантуешься на зоне, потом переедешь на химию и – домой. Нет. Ты не просто продавал ворованное, часики эти – госсобственность. На этот раз ты влетел на всю масть. У тебя один выход – все написать честно.

Так узнали о некоем приезде, который предлагал фарцовщику большую партию часов, но требовал деньги вперед. По словам задержанного, тот проживал в Кузьминках, вместе с женой снимал там комнату у одной старушки.

Жену фарцовщик тоже видел пару раз и смог составить словесный портрет этой пары. Несколько дней Котов провел в Кузьминках, с утра до вечера общался с пенсионерками на лавочках у подъезда и вышел все-таки на бабулю, сдававшую комнату приезжим.

Оперативники осмотрели комнату и нашли фотографию. Мужчина и женщина были запечатлены на фоне южного пейзажа. Ее немедленно пересняли и показали фарцовщику.

Он опознал человека, предлагавшего товар. Потом были засада и задержание. Улики – налицо: на руке задержанного красовались украденные часы.

Работать с ним пришлось долго. Приезжий и его подруга не кололись. Наконец под тяжестью улик начали давать показания.

Часы предложил ему официант из ресторана «Арбат», кстати, один из тех двоих, которые несколько раз работали в павильоне швейцарской фирмы.

Поехали в ресторан, но выяснили, что подозреваемый в отпуске. Сыщикам подсказали фамилию любовницы грабителя. Она созналась, что ее дружок в Ялте и прилетает на следующий день.

Его арестовали в аэропорту. Он запирался двое суток, наконец сломался и показал, где спрятал краденые часы.

Оперативная группа выехала в Подмоскowie, там в лесу были зарыты тщательно упакованные в промасленную бумагу часы.

Швейцарская фирма получила обратно практически все похищенное добро.

Вот такого опера включил в свою группу генерал Карпец.

Но вернемся в Скопин, в зиму 1975 года. Подмосковный угольный бассейн входил в так называемую зону «сотку», где находили приют рецидивисты, которым после освобождения запрещено было жить в Москве.

Вполне естественно, что у опера из МУРа там было много «знакомых». Но, отработав эту версию, Котов понял: она совершенно бесперспективна.

А у Игоря Карпеца не выходили из головы слова «кумовья» и «жарко», сказанные неизвестным по телефону дежурному по МУРу.

Почему человек, знающий о преступлении, не позвонил в Рязанское УВД, а поехал в Москву и из телефона-автомата рядом с Казанским вокзалом связался с уголовным розыском столицы?

Говорил звонивший явно приклатненным языком. Значит, это был или московский вор, или сотрудник милиции, знающий феню. Почему человек, говоря о «кумовьях» – так в лагерях называли оперативных работников, – воспользовался известной детской игрой, когда один ищет, а другой говорит: «...холодно, теплее, теплее, жарко»?

Значит, надо было заняться версией «кумовья». Карпецу очень не хотелось отработать своих коллег. Но ничего другого не оставалось.

Всех сотрудников горотдела вызывали на беседу к генералу. Пригласили и старшину – сменщика убитого. Тот, конечно, как и все остальные, вел себя напряженно, но это было вполне естественно: не каждый день приходилось беседовать с генералом из Москвы.

Карпец начал беседу с вещей неожиданных, он расспрашивал о семье, детях, друзьях, увлечениях. Старшина отвечал сбивчиво, но достаточно откровенно. Из разговора с ним Карпец получил подтверждение характеристики, данной старшине в горотделе: добросовестный, замкнутый, прижимистый, хороший семьянин.

Но на один вопрос тот ответил неискренне. Скрыл, что у него есть близкий друг – механик с автоагрегатного завода.

Но Карпец уже знал о нем, так как Котов тщательно отработал все связи старшины. Более того, стало известно, что друзья за бутылкой часто обсуждали, как бы раздобыть хорошие деньги.

Котов обладал необыкновенным умением располагать к себе собеседников, вызывая их на откровенную беседу, и в разговоре с сослуживцами механика выяснил, что тот делал для себя какие-то странные инструменты, по описанию очень похожие на оснастку взломщиков.

Карпец, опытный сыщик, почувствовал, что вышел в цвет.

В тот день старшина заступил на смену в банк. Генерал приказал начальнику горотдела сменить его на время повторной беседы. Начальник пришел в банк, взял у старшины оружие и сказал, что часок подежурит за него.

На этот раз вместо беседы начался официальный допрос, который вел следователь областной прокуратуры. У следствия уже были серьезные улики. Котов и Слободин разыскали знакомую старшины, встретившую его у банка в вечер убийства. Она поздоровалась с ним, но он сделал вид, что не узнал ее, и скрылся в переулке. Ее показания и были зачитаны.

Старшина вскочил, бросился к дверям, но два московских опера скрутили его и надели наручники. Старшина сознался во всем.

Этот человек не мог пережить того, что, получая небольшую зарплату, охраняет огромные деньги. Вместе с механиком они, как им казалось, тщательно готовили преступление. Ночью старшина позвонил в дверь банка с зад него двора и попросил сменщика пустить его, притворившись, что забыл в караулке свои вещи. Ничего не подозревавший милиционер в нарушение всех правил открыл дверь. Преступники набросились на него, отобрали оружие и застрелили.

А вот вскрыть сейфы не удалось. Мог это сделать только один человек – завязавший медвежатник Серафим Лапа.

Теперь надо брать подельника. Он жил в бараке, в коммунальной квартире. У него было охотничье ружье. Черт его знает, как поведет себя при задержании соучастник убийства. Вдруг начнет палить из обоих стволов.

Всю ночь оперативники просидели в засаде у дома. И взяли механика утром, когда он шел на работу. Спецгруппа уехала в Москву.

Прибыв в министерство, Карпец сразу же пошел докладывать.

Но Щелоков был расстроен. Он выслушал начальника розыска и спросил с упреком:

– Что же вы мне сразу не доложили?

– Не хотел вас беспокоить ночью, Николай Анисимович.

– Ах, Игорь Иванович, главное не в том, чтобы вовремя раскрыть преступление, а в том, чтобы раньше всех доложить об успехе. Умельцы из КГБ сообщили Цвигуну, что они задержали бандитов, а тот сразу же позвонил в ЦК. И все лавры им.

Карпец знал, что уже тогда началось противостояние Николая Щелокова и Юрия Андропова. А в политических разборках все средства хороши.

Так закончился этот провинциальный детектив.

А человека, звонившего в МУР, так и не нашли. Конечно, у Карпеца было предположение, что звонил находящийся на высылке московский вор в законе Никиша, который работал в одном цехе с преступником. Он, видимо, что-то знал и испугался, что преступление могут повесить на скопинских уголовников.

Я совсем недавно побывал в Скопине. На этот раз город показался мне веселым и зеленым. Практически исчезли унылые бараки, на улицах появились неперенные атрибуты рыночной экономики: палатки, бары, павильоны игорных автоматов. И группировка появилась, крышующая городскую торговлю.

Наверняка жители забыли о давнем убийстве в местном банке. Подумаешь, грохнули одного мента... Взрывы, дерзкие грабежи, выстрелы киллеров уже никого не поражают. И если в те годы попытка ограбления банка и кража из павильона на Международной выставке

были явлениями чрезвычайными, то сегодня подобные преступления стали неотъемлемой приметой нашей жизни.

Сбылось то, о чем так часто говорил мой покойный друг Игорь Иванович Карпец:

– Если будем так жить и дальше, страной станут править люди, сросшиеся с криминалом.

Тогда ему не верили. Всех захватило ликование перестройки.

А прав-то оказался он.

Арестован в ресторане «Метрополь»

...А потом стрелки на бутафорских часах над эстрадой сошлись на цифре двенадцать, погасла люстра, и разноцветные прожектора лучами стеганули по залу. Зажглись собранные из лампочек слова: «С Новым 1961 годом!»

Поднял трубач Гера свой золотистый инструмент, и музыка Глена Миллера поплыла над столиками.

Старый год уже проводили, некоторые – довольно основательно, и, побросав вилки и рюмки, все устремились танцевать.

Рядом с нашим столом гуляла развеселая компания деловых. Мужчины – в костюмах, сшитых у дорогих, видимо рижских, портных, дамы – в туго натянутых платьях, с полной коллекцией бриллиантов и изумрудов на пальцах, в ушах и на шее. Они приехали в ресторан уже прилично поддатые, хорошо проводили старый год и усугубили Новый шампанским.

С чего все началось, я не знаю, но заключительный аккорд спора я услышал.

– Вы меня за фраера держите? – весело рявкнул плотный мужик в костюме из черного польского крепа, модного в те годы в столице.

– А как же, а как же! – хором завизжали дамы.

– Тогда кладите кусок новыми.

На столе появились забандероленные пачки денег.

Все дело в том, что именно с Нового года великий мудрец Никита Хрущев начал свою знаменитую денежную реформу и в стране ходили сталинские деньги и хрущевские.

Мужик в черном костюме сначала снял часы, потом пиджак, потом галстук и рубашку. Короче, оставшись в одних трусах с динамовскими лампасами, он, растолкав изумленных танцующих, плюхнулся в фонтан.

Взлетели брызги, завизжали дамы, захохотали мужики, Гера на сцене, прервав мелодию, виртуозно изобразил до боли мне знакомый сигнал тревоги.

А отважный ныряльщик, стоя по колена в воде, вознес руки к стеклянным витражам потолка и прокричал:

– С Новым годом, чуваки и чувихи!

Застывший в кухонных дверях седой, элегантный метр Соколов первым пришел в себя и, свистнув на помощь официантов, рванулся к фонтану.

Но он так и не успел до него добраться.

Рядом с фонтаном, словно из водяных струй, материализовались три крепких молодых человека в одинаковых серых костюмах. Деловито, словно пробку из бутылки, выдернули пловца и, заломив ему руки, бегом погнали к выходу.

Соколов подошел к столу, наклонил свой безупречный пробор:

– Прошу покинуть ресторан, граждане.

– Почему? – возмутилась одна из дам.

– Вы в некотором роде потакали хулиганству.

– Метр, – вскочил один из деловых, – ты же меня знаешь!

– Сейчас я никого не знаю, – холодно ответил Соколов, – не заставляйте меня звать милицию, не портите людям праздник.

Коллективная мысль сформировалась мгновенно. Целый взвод веселых мужичков бросился защищать несчастную компанию. И мы решили идти на выручку веселому пловцу.

– Куда его увели?

– Не знаю, – развел руками Соколов.

– Я знаю, – сказал весьма прикинутый человек лет сорока.

– Еще бы вам не знать, – мило улыбнулся метр.

Мы взяли одежду безвинно арестованного и направились к гостиничным дверям.

– Друзья, – сказал наш предводитель, – вы мне дайте его вещи и не вмешивайтесь, я разберусь.

Минут через пятнадцать из-за колонн вестибюля появились наш «старшой» и бывший узник. Мы встретили их аплодисментами. Но это была только разминка. Когда мы вошли в зал, хлопали так, будто наш герой не купался в бассейне, а сделал фуэте в сто оборотов.

Отважного нырятьщика звали простым именем Петя, он подозвал официанта и распорядился послать шампанское на все столы.

Начался веселый московский разгуляй.

И никто не вспомнил, что именно в этом зале заседало первое советское правительство. Именно здесь были приняты декреты о «красном терроре», о продотрядах и дальнейшей национализации ценностей у буржуазии.

А в 1950 году здесь «лучший друг детей и советских физкультурников» устроил прием по случаю приезда китайского вождя Мао.

Не вспомнили, и слава богу. Веселому московскому люду уже давно не нужна была горькая память прошлого.

Конечно, историю знать надо, но человек не может держать в голове «Календарь знаменательных дат» и вообще так устроен, что старается реже думать о грустном, иначе здоровья не хватит.

...А Новый год шел своим чередом. Мы сдвинули столы и гуляли большой веселой компанией. А когда оркестр в шесть часов утра сыграл «Затихает Москва...», отправились к Пете на Сретенку, где продолжили веселье.

Новый знакомый Петя Фридман оказался ни много ни мало московским «меховым королем». Он руководил меховой фабрикой и был весьма заметной фигурой в теневой коммерции тех лет.

Мы с ним после знаменитого разгуляя виделись довольно часто, и Петя Фридман рассказал мне много интересного о жизни теневиков.

В семьдесят втором суд определил ему высшую меру, как вы понимаете, не за купание в фонтане в новогоднюю ночь.

Петя познакомил меня со многими «королями» и «принцами» теневой коммерции. Эти люди были мне необычайно интересны. Они снабжали задавленную дефицитом страну «левой» обувью, рубашками, галстуками, шубами. Но делали это из сэкономленного или «левого» сырья. По нынешним меркам, они не делали ничего плохого. Но это по нынешним меркам. А тогда по статье 93-2 суд с легкостью «отвешивал» деловым высшую меру.

Я изучал, как мог, людей, причастных к теневому обороту товаров, завел отдельный блокнот, куда записывал рассказанные ими истории, но в те годы использовать полученный материал не мог. А потом блокнот куда-то делся. Я нашел его случайно, разбирая книги, и обязательно напишу очерк о том странном времени, когда страна жила в неких параллельных мирах.

Я уже писал, что в восемнадцатом году в ресторанном зале заседали ВЦИК и правительство. Надо сказать, что вожди революции и их помощники заселились в гостинице «Метрополь». Здание с фресками великого Врубеля стало называться Первым домом советов.

Чуть позже исторические заседания перенесли в Кремль, и ресторанный зал стал номенклатурной столовой.

Короткий, но развеселый НЭП все расставил по своим местам. Гостиница стала гостиницей, а ресторан – рестораном.

В те лихие годы в Москве, как и сегодня, появилось немереное количество ресторанов и кабаре на любой вкус. Материализовались из небытия «Яр» и «Эрмитаж». Появились новые «Ампир», «Кавказский», «Кинь грусть».

Но «Метрополь» остался таким же респектабельным, каким был до революции. Это был не просто ресторан, он стал чем-то вроде делового клуба. Здесь собирался цвет московской коммерции. Мехаовщики, трикотажники, ювелиры, новоявленные фабриканты – все приходило сюда ежедневно. Они обедали днем, вечером с женами или любовницами приезжали покутить и каждую субботу после «маскарада» – так аристократично они именовали посещение бани – обязательно оттягивались в любимом ресторане.

Постоянными гостями в «Метрополе» была артистическо-литературная богема. И конечно, вездесущие журналисты. Больше всего хозяин заведения ценил «Вечернюю Москву», поэтому для ее репортеров всегда находился свободный столик.

Вечером, когда начинал играть знаменитый джаз, в зале сидели сотрудники ОГПУ, чиновники новой формации, иностранцы и уголовники. Здесь кутили элегантные московские налетчики, солидные медвежатники, быстроглазые фармазонщики. Некий Ноев ковчег, пустившийся в веселое плавание по бурному морю строительства социализма.

Частым гостем в ресторане был высокий господин лет тридцати, всегда прекрасно и дорого одетый.

Его знали все завсегдатаи, и он знал всех. При знакомстве он протягивал изящную визитную карточку, на которой было написано «Валериан Кириллович Истратов – литератор».

Самое интересное, что этот обаятельный человек действительно печатался в многочисленных киножурналах, в одном из московских частных театров шла его пьеса, и в издательстве Горина вышли два его весьма сентиментальных романа.

Один из них – о похождениях шулера в конце Гражданской войны на юге России, второй, действие которого происходило в Москве, – о трагической любви на фоне великих потрясений.

Валериан Кириллович всегда занимал один и тот же столик с правой стороны у стены, плотно обедал почти без спиртного: только рюмка ликера к кофе.

Вечерами Истратов всегда появлялся с красивыми и знаменитыми дамами. С молодыми дебютантками Художественного театра, со звездой кабаре «Нерыдай» Машей Славской. Да мало ли кого мог охмурить красивый блондин, тем более литератор и богатый человек!

Завсегдатаи к нему относились дружески и почтительно. Истратов был широк: если попадал в компанию, то платил за всех, несмотря на возражения вполне обеспеченных собутельников.

Жил он на Большой Никитской в доходном доме. Квартира двухкомнатная, со вкусом обставленная павловской мебелью, на стенах картины, подаренные друзьями-художниками, и фотографии знаменитых актеров, поэтов, писателей с дарственными надписями.

А в Москве происходили непонятные нападения на артельщиков (по-нынешнему – инкассаторов).

Артельщик кооперативного объединения резиновых изделий Коровин получил в банке пятьдесят тысяч рублей новыми червонцами. Артельщика сопровождал вооруженный наганом охранник.

На извозчике они доехали до Оружейного переулка, где находилась контора. Артельщик вошел в помещение и поднялся на второй этаж к кассе, охранник направился сдавать наган в комнату на первом этаже.

Артельщик прошел по коридору, свернул в «аппендикс», ведущий к кассе, почувствовал боль и потерял сознание.

Его обнаружил кассир, вышедший из своего закутка. Артельщик сидел на полу, сумка с деньгами исчезла.

Из Большого Гнездиновского, где тогда в помещении бывшей сыскной полиции располагался МУР, приехал заместитель начальника 1-й бригады Георгий Федорович Тыльнер с оперативниками.

Пришедший в себя артельщик показал, что ни в вестибюле, ни на лестнице, ни в коридоре никаких посторонних людей не встретил.

Медэксперт определил, что удар под основание черепа нанесли тупым предметом, возможно рукой.

Вахтер у дверей тоже не заметил ничего подозрительного. Опрос сотрудников ничего не дал.

Начальник бригады, многоопытный московский сыскарь Николай Осипов, сразу же сказал, что дело практически «глухое».

Но тем не менее сыщики сориентировали агентуру и начали отрабатывать всех, кто раньше нападал на артельщиков.

Один из агентов сообщил, что на малине в Армянском переулке, дом номер 2, гуляет известный бандит Витя Залетный. Гуляет широко, червонцев не жалеет.

Брат Витю поехал сам Осипов. Во-первых, у него были свои счета с Залетным, а во-вторых, что и было главным, содержала малину Татьяна Афанасьева по кличке Красуля, которая давно работала на Николая Осипова, и сведения ее были бесценны.

«Запалить» такого агента было бы преступлением.

Операция прошла как нельзя успешно. На малине прихватили уголовную шушеру, крупняка не было, и пьяного до отключки Витю Залетного. При обыске у него нашли маузер калибра 6,35, две запасные обоймы и пятнадцать червонцев.

А дальше все было как обычно. Всех доставили в отделение, как нужно поговорили, и Таньку задержали на трое суток.

Витю доставили в МУР и дали отоспаться. Когда же очухался, то предстал пред ясны очи Осипова. Витю трясло, и толком говорить он не мог. Осипов сам налил ему стакан коньяку, достал лимон и посыпал сахарным песком.

Руки у Вити дрожали так, что он не мог поднять стакан.

Осипов деликатно отвернулся, и тогда Залетный сделал первый глоток, наклонившись к стакану.

Руки пришли в порядок, Витя допил стакан и закусил лимоном.

– Спасибо, начальник, спас. Тебя за душу весь блатной мир уважает.

– Витя, – Осипов сел на стол и закурил, – ты грохнул артельщика в Оружейном?

– В Оружейном? – переспросил Витя, приходя в себя. – А когда?

– Вчера.

– Не в цвет. На голое постановление берешь, Николай Филиппович, я четвертый день у Таньки гужуюсь.

- А деньги откуда?
- Брательник умер. Оставил мне хрусты.
- Твой брательник, случайно, не Савва Морозов? – усмехнулся Осипов.
- Нет. Степка Холоднов. Такая наша фамилия.
- А он что, нэпман?
- Зачем так говоришь, он церковный староста Николы в Хамовниках.
- Мы же проверим.
- А я что, против?

Проверили, и все сошлось. Действительно, старший брат Витьки Степан был почтенным церковным старостой, то есть человеком, отвечающим за деньги храма, и опрошенные сторожа и дьякон говорили, что он был сильно нечист на руку.

Но церковь от государства отделена, посему уголовному розыску незачем совать нос в церковную кружку.

Все сходилось.

Осипов и Тыльнер опять вызвали на допрос уже отошедшего от запоя Витьку.

– Мы, Витя, проверили, – усмехнулся Осипов, – на этот раз все в цвет.
– Тогда выпускай меня, Николай Филиппович, а то нынче большой игровой день на бегах.

– Успеешь, Витя, на лошадаках рискнуть. Успеешь. Скажи, откуда у тебя маузер?

– Век свободы не видать, начальник, не мой!

– А как он тебе в карман попал?

– Может, скинул кто.

Эта версия была вполне вероятной. Отпечатков Залетного на оружии не было.

– Витя, я к тебе всей душой, и ты помоги мне.

– Закладывать никого не буду, – отрезал Залетный.

– А мне не надо, чтобы ты закладывал своих корешей, я с тобой посоветоваться хочу.

Залетный взбодрился. Еще бы, как его рассказ будут слушать блатные, когда он поведает им, что с ним советовался сам Осипов.

– Если совет дать, то я всегда, – радостно улыбнулся Витька.

Осипов вкратце пересказал ему историю нападения. Витька взял со стола папиросу, закурил. В комнате повисла тишина. Залетный думал. Докурив, он важно изрек:

– Ты, начальник, Лешу Красавца знаешь?

– Игрока?

– Его. Так с ним похожая история приключилась. Он в казино на Триумфальной фарт словил. Червонцев на сто поднялся. Игру закончил, фишки сдал, получил хрусты. Пачка-то здоровая была, но он деньги по карманам рассовал и домой отправился по вечерней прохладе. И дернуло же его в сад «Аквариум» зайти, в забегаловку Семена заглянуть. Он с главной аллеи свернул, а тут его по черепу огрели. Когда очнулся, голова болит, а денег нет.

– Красавец по старому адресу живет? – поинтересовался Тыльнер.

– Я у него в гостях не был, но думаю, все там же, в Колпачном обретается.

Леша Красавец встретил Тыльнера хоть и радушно, но настороженно. Грехов особых за ним не числилось, однако уголовка есть уголовка.

За чаем он нарисовал сыщику леденящую душу картину своего стремительного обогащения и столь же молниеносного падения в финансовую пропасть. Он даже показал место, куда был нанесен удар. Все совпадало.

Осипов и Тыльнер подняли все нераскрытые дела по нападениям на артельщиков и убедились, что почерк преступника один и тот же.

А тут кстати зашел в кабинет Осипова Василий Петрович Румянцев, старый московский криминалист, служивший еще в сыскной полиции. Год назад умники из Наркомата

внутренних дел потребовали убрать со службы всех бывших полицейских, не думая, что лишают уголовный розыск многоопытных и знающих сотрудников.

Румянцева уволили, но начальник МУРа Иван Николаев на свою ответственность оставил его внештатным консультантом.

Василий Петрович познакомился с делом и вспомнил одну старую историю.

– В январе семнадцатого в Москве появился похожий чистодел. Дело его вел покойный Кунцевич, но я о нем слышал. В общем, вышли на лефортовский госпиталь, где лечился подозреваемый, некий вольноопределяющийся. Был он человеком известным. Служил на Западном фронте в отдельной охотничьей команде. Начальником ее был капитан Громыслов. Знаменитый офицер. Он придумал такую штуку: в резиновую трубку наливали ртуть. Оружие получалось тяжелым и удобным. Как известно, каски у немцев были низкие. Так вот, Громыслов научил своих охотников бить этой трубкой под обрез. Тихо и эффективно. Я поеду в архив, может, там сохранились бумаги госпиталя.

– Так вы разве не арестовали этого вольноопределяющегося? – удивился Осипов.

– Не удалось. Кунцевича убили, а тут и Февральская революция подоспела.

Несколько дней Румянцев копался в архиве и все же нашел список раненых. Но вольноопределяющихся в нем было двадцать два человека. Причем с Западного фронта – пятнадцать.

Осипов и Тыльнер проследили закономерность в нападениях вольноопределяющегося, как в разработке именовали налетчика. Он нападал на людей, получивших деньги только в Московском промышленном банке.

Начали отработку этой версии. О получении клиентами крупных сумм знали постоянно четыре человека: три женщины и их начальник.

Он отпал сразу же. Партиец, награжденный за Перекоп самим Михаилом Фрунзе именным оружием, жил скромно и достойно.

Две молодые женщины тоже не вызывали подозрений. А вот третьей, Еленой Загряжской, надо было заняться серьезно.

Соседи по квартире на Большой Бронной, дом номер 6, отзывались о ней неплохо, но удивлялись, откуда у скромной банковской служащей дорогая мебель, несколько шуб, украшения и модные вещи.

Конечно, это не было поводом для ареста. Загряжская всегда могла сказать, что это подарки поклонников. Поэтому пришлось начать ее разработку. За ней пустили наружку. Через неделю выяснили, что молодая дама за это время побывала во всех модных кабаках и варьете.

Поклонников у нее было немерено. Наружка ходила за ней, пока Загряжская не пришла в квартиру на Большой Никитской, где проживал литератор Истратов. Справки о нем навели быстро. Действительно, занимается литературным трудом, но средства имеет немалые. Крупно играет в казино на Триумфальной, рискует на беггах, посещает самые дорогие рестораны. Литературным трудом таких денег не заработаешь.

Осипов для очистки совести заглянул в госпитальный список. Каково же было его удивление, когда он обнаружил там фамилию «Истратов».

Начали с Загряжской. Как только Осипов и Тыльнер обрисовали ей трагические перспективы будущей жизни, она разревелась и созналась во всем. Более того, Загряжская показала, что сегодня вечером Истратов опять пойдет на дело.

Осипов и Тыльнер уже изучили привычки и образ жизни вольноопределяющегося. Обед в «Метрополе» был для него неким ритуалом, и его Истратов не нарушал никогда.

Ровно в два пополудни Тыльнер зашел в ресторанный зал. Истратов сидел на своем любимом месте. Тыльнер подошел и сел за стол.

– Я вас приглашал? – поинтересовался вольноопределяющийся.

- А мы обычно приходим без приглашения, гражданин Истратов.
- Вы кто?
- Я из Московского уголовного розыска.

Истратов сунул руку в карман, но увидел ствол нагана, направленный на него. А за спиной его выросли два оперативника.

- Пошли, Истратов. – Тильнер спрятал наган и встал.

О завсегдатаях «Метрополя» можно рассказывать бесконечно. Здесь гуляли цеховики, домушники, бандиты и фарцовщики. Через зал с фонтаном прошел практически весь криминальный мир Москвы.

Любили они погулять, поплясать под знаменитый метрополевский джаз.

Но все в прошлом. Сейчас в ресторане проводит свои тусовки престижный московский клуб. Когда по телевизору я увидел лица некоторых персонажей, членов этого замечательного объединения, то подумал, что пройдет время и кто-то напишет о новом «Метрополе» не менее занятную криминальную историю.

«С Новым годом, фраера!»

Сегодня уже мало кто помнит, что при ужасном и великом вожде всех народов в стране существовало частное производство. Маленькое, мизерное, но все же было.

На стенах и заборах в переулках висели объявления недобитых частников: портных, сапожников, слесарей-умельцев. Особенно мне помнится громадная фаянсовая вывеска на улице Алексея Толстого: «Портной Лев. Срочная переделка и пошив одежды».

Помню две частные фотографии: Либермана на углу Тверского бульвара и Никитской и, конечно, самую знаменитую, в проезде Художественного театра.

А в любимом моем Столешниковом вывески частников теснились на всех стенах: «Модные кепи», «Ремонт любых часов», «Ремонт и заправка авторучек», «Ювелир высокого класса», «Пошив кепок». Кепки эти, из серого и песочного цвета материала букле, носила вся модная Москва. Звезды футбола, бокса, известнейшие актеры шили кепки у знаменитого Гриши Голобородько. Для нас, молодых, он был слишком дорог, и мы предпочитали покупать их у Левы, в мастерской, забившейся в подъезде в доме, углом выходящем на Пушкинскую.

Но особенно много было вывесок частнопрактикующих врачей. Недавно кончилась война, поэтому на стенах лидировали призывы эскулапов-венерологов, зубные врачи обещали без боли удалить и вылечить зубы, но на весь город висело несколько фаянсовых табличек с адресами гомеопатов. Не было в те годы более популярных и востребованных врачей. О гомеопатии ходили легенды, она воистину считалась панацеей от всех болезней.

Я помню, как в сорок седьмом году к нам приехала мамина коллега из омского театра, тетя Аня, веселая, прелестная женщина. Местные врачи нашли у нее какую-то серьезную болезнь, и последней надеждой оставалась гомеопатия.

Отец позвонил кому надо, и нашу гостью принял сам Лепницкий, главное светило этого странного направления в медицине.

Месяц веселая тетя Аня жила у нас, ходила на прием к врачу, приносила картонные коробочки с разноцветными дробинками и пила их по установленной схеме.

Уверен, что расцвет гомеопатии в те годы зависел не от ее целебного действия, а от катастрофического отсутствия в стране обычных лекарственных средств.

Я, терзаемый любопытством, взял из коробочки одну дробинку. Она оказалась сладковато-безвкусной.

Не знаю, помогла ли маминой подруге гомеопатия или ее спасло великое жизнелюбие и радостный веселый характер, но прожила она еще долгую и легкую жизнь.

Попасть на прием к звездам гомеопатии было чрезвычайно трудно и, естественно, стоило дорого. Жены министров и маршалов, директоров артелей и антикварных магазинов записывались в многомесячную очередь.

Богатым и славным было прихватистое племя, лечившее народ безвкусно сладкими дробинками.

А в Кисловодске завершался бархатный сезон, и один великий московский гомеопат возвращался домой, конечно, в международном вагоне. Их позже заменят безликие СВ, а я еще ездил во Владивосток в этой бархатно-плюшевой, светящейся надраенной медью роскоши. Две мягкие полки, стол, кресло и отдельный туалет с душем и дверью с витражами из зеленого стекла.

Итак, врач с супругой наслаждались удобствами МПС, вкусно ели в вагоне-ресторане, читали тогдашний бестселлер «Женщина в белом» и ждали встречи с Москвой.

В соседнем купе ехал красавец полковник МГБ, человек общительный и веселый. Поезд шел как раз мимо тех мест, где три года назад бушевала самая страшная война, и любезный полковник, с тремя рядами наградных колодок на кителе, рассказывал своим соседям, как именно в этих краях он получил свой первый орден.

Знакомство было необязательным и легким. Они ходили ужинать в ресторан, и новый друг оказался щедрым и веселым в застолье.

Словом, еще поезд и половины пути до Москвы не дошел, а гомеопат с женой были полностью очарованы попутчиком. Тем более что работал он не инженером на заводе, а в Министерстве государственной безопасности, название которого в те времена люди произносили с почтением и страхом. Короче, знакомство было не только приятным, но и весьма полезным.

Чтобы скоротать время, сели играть в покер по маленькой, полковник оказался в игре не очень сильным и проиграл. Когда он из внутреннего кармана кителя достал проигранные семьдесят рублей, то, видимо, случайно вытащил темно-вишневое удостоверение с золотым гербом и буквами МГБ, а из него выпал разноцветный пропуск, поперек которого шла красная надпись «Всюду» на фоне кремлевских башен.

Мило улыбнувшись, полковник вложил пропуск в удостоверение и сказал смущенно:

– Да, дорогие мои, работаю в Кремле, обеспечиваю безопасность, вы догадываетесь кого.

Конечно, врач с супругой немедленно догадались, чью безопасность обеспечивает их новый друг, и прониклись к нему еще большим уважением. И если он им раньше был просто симпатичен, то теперь они пожелали иметь его в близких друзьях.

Перед Москвой, когда поезд, набирая скорость, пролетал мимо грустных, брошенных на зиму дач, полковник спросил:

– Вас машина встречает?

– Да нет, мы возьмем такси, – ответил врач.

– Ну зачем же так затрудняться, я с удовольствием довезу вас, мои дорогие.

Когда поезд остановился, в вагоне появился лейтенант в погонах с голубыми просветами и отрапортовал полковнику, что он прибыл.

– Коля, – скомандовал полковник, – прикажите водителю взять мой чемодан и вещи моих друзей и погрузите в машину. А мы пока пойдем.

Сквозь суету встречающих они вышли на привокзальную площадь, и полковник подвел их к блестящему черным лаком «опелю-адмиралу».

– Прошу. – Он распахнул дверцы, демонстрируя темно-вишневые кожаные сиденья.

Лейтенант и сержант-водитель загрузили вещи, и машина двинулась в сторону Арбата. У дома врача она остановилась, и полковник с лейтенантом сами донесли вещи. Гомеопат с супругой были настолько очарованы новым другом, что с нетерпением ждали его звонка.

И дня через два он позвонил и сказал, что взял талоны на подписные издания, которые обещал доставить.

Талоны завез уже знакомый лейтенант.

Полковник регулярно звонил по телефону, спрашивал о здоровье, сетовал на занятость, которая мешает ему заехать в гости к милым друзьям.

Наступили ноябрьские праздники, и полковник с прелестной дамой приехали на обед. Он привез цветы, редкое по тем временам мускатное шампанское и подарок – альбом пластинок Александра Вертинского, выпущенный в Китае.

Подруга полковника была невероятно элегантна и хороша.

Жена гомеопата не отрывала глаз от ее чудесных и очень дорогих украшений.

Выяснилось, что работает она в Алмазном фонде, специалист по драгоценным камням и старинной ювелирке. Гостья пообещала жене врача устроить приглашение на распродажу для крупного руководства, где по госцене продаются редчайшие вещи.

Пока мужчины слушали Вертинского и дискутировали о происках поджигателей войны, дамы удалились в спальню. Там хозяйка похвасталась перед гостьей своим набором драгоценностей. А ей было чем похвастаться.

Расстались за полночь, договорившись непременно встретиться.

Слякотная московская осень кончилась, и наступил снежный веселый декабрь.

Числа восемнадцатого полковник на часик заехал к друзьям попить кофейку с коньячком. Говорили о пустяках, и гомеопат посетовал, что не может найти дачу недалеко от Москвы, а в Удельном ему уже надоело жить.

– Раздоры вас устроят? – спросил полковник.

Еще бы, Раздоры – это же Барвиха, место, где живет вся госпартэлита.

– А разве можно это сделать? – поинтересовался врач.

– Мы все можем, – рассмеялся полковник, – маршал авиации Жаворонков продает свою дачу; правда, цену заломил...

– Сколько?

– Сто двадцать тысяч.

– Я согласен.

– Тогда, – сказал полковник, – никому ни слова и деньги чтобы были в боевой готовности. Я переговорю с ним и скажу вам, когда сможете поехать посмотреть.

Уже в прихожей, надевая шинель, он спросил:

– А где вы встречаете Новый год?

– Наверное, дома, с друзьями.

– Хотите встретить вместе с нами?

– Где?

– В Кремле, – просто ответил красавец чекист.

– А разве это возможно? – срывающимся голосом спросил гомеопат.

– Конечно.

– И там будет...

– Там будут все, поэтому прошу никому не рассказывать, под какой елкой вы будете танцевать. Давайте ваши паспорта.

Прошло три дня, и в квартиру позвонил старшина-фельдъегерь в запорошенной снегом шинели.

Он достал из портфеля опечатанный сургучом пакет с надписью «Управление делами МГБ СССР», заставил врача расписаться в амбарной книге, откозырял и растворился в декабрьской метели.

С замиранием сердца гомеопат вскрыл конверт, вынул паспорта и два роскошных билета. В углу профили основоположников марксизма-ленинизма, зубчатая стена Кремля и елка, украшенная звездами. Внутри лежали два талона, опечатанные на бумаге с водяными знаками. Один на концерт – все, как надо, ряд, место; второй – на банкет.

Счастью не было предела. Встретить Новый год с самим Сталиным и его верными соратниками!

Времени до Нового года почти не осталось, а надо решить столько важных проблем: сшить новое вечернее платье, сшить у Зингера новый мужской костюм. В таких приятных хлопотах дожили они до 31 декабря.

Утром позвонил друг-полковник, поздравил с наступающим праздником и предупредил, что у здания комендатуры Кремля они должны быть в 22.30, не позже, извинился, что не сможет их встретить, «сами понимаете, служба», а на балу они будут вместе.

Ровно в 22.30 врач с женой вошли в желтое неприметное здание комендатуры.

Увидев даму в дорогих мехах и мужчину в ратиновом пальто с бобровым шалевым воротником, дежурный лейтенант, козырнув, вежливо осведомился, что нужно гражданам.

Врач важно расстегнул пальто и протянул офицеру паспорта и билеты.

– Минутку. – В голосе лейтенанта послышался металл. Он сделал чуть приметный знак, и у дверей появились два офицера.

– А вас, граждане, попрошу подождать до выяснения в этом помещении.

В покрытом красной ковровой дорожкой коридоре явно запахло умыслом на теракт против руководителей ВКП(б).

Перепуганный врач с женой просидели в комнате около часа, когда появился здоровенный полковник МГБ и начал колоть.

– Где взяли билеты? Кто их изготовил? Зачем шли в Кремль?

Задержанных обыскали. Жена гомеопата плакала навзрыд.

Потом появился штатский с веселыми глазами человека, хватившего сотку. Он вновь выслушал рассказ несчастного врача, приказал дать его жене валерьянки.

– Удивительное дело. Придется вас отправить на Лубянку.

А часы на Спасской башне уже отбили наступление нового, сорок девятого года.

При слове «Лубянка» гомеопат понял, что жизнь закончена. И тут появился генерал, заместитель коменданта Кремля. Он-то прекрасно знал врача, его жена пользовалась услугами известного гомеопата. Он вновь выслушал историю про красавца полковника, выматерился, не обращая внимания на даму, поднял телефонную трубку и соединился с дежурным по МУРу.

– Урусова мне немедленно, – потребовал генерал.

Начальник МУРа Александр Михайлович Урусов даже не успел выпить, как ему позвонил дежурный и передал телефон, по которому он должен был связаться с замкоменданта Кремля.

Когда Урусов позвонил, генерал поздравил и приказал:

– Лучших сыщиков, Александр Михайлович, – и назвал адрес.

Доктора и его полуживую жену усадили в машину и повезли домой. У дверей в квартиру стояла опергруппа во главе с Урусовым. На ступеньках лестницы сидела здоровенная овчарка.

Доктор трясущимися руками вынул ключи. Дверь была заперта на один английский замок, четыре остальные, сработанные по спецзаказу, были открыты.

Вошли в квартиру, зажгли свет. Картины, фарфор, хрусталь – все было на месте. Гомеопат бросился в кабинет и увидел открытый ящик стола, в котором лежали деньги, приготовленные на покупку дачи, а в спальне жены пропали все драгоценности.

В гостиной на столе стоял огромный торт, на котором черным шоколадом было написано: «С Новым годом, фраера!»

Но самое удивительное, что даже МУР, в те годы организация очень серьезная, так и не смогла выйти на след растаявших в ночи преступников. Почерк был необычным для домушников, больше похожим на работу фармацевтика.

Потом, по внутрикамерным разработкам и данным опер-частей лагерей, всплыли некоторые фигуранты. Молодой лейтенант оказался начинающим мошенником из Ленинграда Глебом Веретенниковым. Но организатора дела он видел всего два раза.

Красавица и полковник исчезли из поля зрения оперативников навсегда.

Но деньги-то можно истратить, а драгоценности жены гомеопата?

Они начали всплывать через много лет, когда КГБ всерьез взялся за королей теневой экономики. Среди изъятых ценностей появились и изделия, похищенные из квартиры медицинского светила.

Но разве мог вспомнить великий грузинский теневик Давиташвили, у кого он приобрел браслет с изумрудами необычайной огранки, если у него в подвале был изъят пятилитровый бидон, набитый драгоценностями?

Так и кануло в Лету новогоднее дело 1949 года.

Как встретишь Новый год, таким он и будет

Однажды мы ехали встречать этот веселый праздник к друзьям на дачу в Переделкино. Я тогда еще совсем не ориентировался в этом заповеднике «инженеров человеческих душ», как тогда говорили. Адрес и план движения был у моего товарища, человека легкомысленного. Когда, простояв лишние двадцать минут на станции Суково, ныне переименованной в Солнцево, наша электричка выдвинулась к платформе Мичуринец, мой товарищ вспомнил, что оставил адрес и план в другом костюме.

– Ничего, – сказал он мне, – дотопаем до писательского поселка, а там на любой даче узнаем, как найти нашу.

Топать пришлось по дороге, покрытой сугробами, через лес.

– Стоп! Уже Новый год наступил.

Я посмотрел на часы, стрелки сошлись на двенадцати.

Мы откупорили бутылку коньяку и выпили ее всю, заедая девственно чистым снегом.

Нам стало легко и радостно, а минут через двадцать вдруг в темноте зажглись бенгальские огни, вспыхнула огоньками прямо в лесу елка, и нас окружили веселые люди в масках.

Мы никуда не пошли, остались с ними. Пили и танцевали прямо на снегу.

И год у меня удался, хотя встретил я праздник в лесу, в темноте, закусывая коньяк снегом.

Глава 2 Немного политики

МУР есть МУР

Фраза эта принадлежит литературному герою, авторитетному вору Софрону Ложкину, персонажу повести Аркадия Адамова «Дело „пестрых“». В одноименном фильме их произнес Михаил Пуговкин, блестяще сыгравший Ложкина.

Книга А. Адамова стала первым сочинением о Московском уголовном розыске после двадцатилетнего перерыва с начала тридцатых годов, когда было всенародно объявлено, что с уголовной преступностью в СССР покончено.

Зато теперь, если собрать все книги, написанные об этом серьезном учреждении с 1956 года по сегодняшний день, то, наверное, их хватит для создания библиотеки города средней величины. Я уж и не говорю о фильмах и очерках в периодике.

Благодаря этому МУР стал понятием эпическим и культовым.

Я много написал всевозможных криминальных историй. Безусловно, работая над ними, мне приходилось бывать в архивах. Но я совершенно уверен, что, хотя документы, спрятанные во всевозможных хранилищах, проливают определенный свет на происходившие события, они все же могут быть тенденциозными, а люди, собирающие их, – предвзятыми.

Особенно когда дело касается определенных политических событий.

С архивными материалами российского криминала проще, но в них нет главного – разыскной маеты. Ощущений опера, топающего по этажам дома, «отработки жилсектора», его встречи с агентами, разговоров с таинственными людьми, которые частенько, по злобе, или зависти, или сводя счеты, дают правильную наколку.

В рапорты и справки по делу попадает лишь десятая часть разыскных действий. Остальное сыщики держат в памяти. Вот это и есть подлинное. И когда опер делится с тобой воспоминаниями, появляется понимание не только криминальной истории, но и ощущение времени, в котором мы жили и живем.

Мне повезло, я еще застал таких крутых сыщиков, пришедших в МУР в развеселые времена НЭПа, как Алексей Ефимов и Илья Ляндрес, и был дружен с ними. В тридцатых начали работу в угрозыске Иван Парфентьев, Игорь Скорин, Владимир Корнеев.

Они уже ушли из жизни. Но мне, к счастью, удалось записать многие их рассказы. По сей день я дружу со многими муровцами. И не архивные бумажки, а их рассказы и есть подлинная история МУРа.

В 1950 году я переехал из района Тишинского рынка, знаменитого уркаганского района Москвы, в центр, на улицу Москвина. Здесь тоже был свой блатной мир, так называемая Вахрушинка, квартал доходных домов, построенных купцом Вахрушиным. У меня там образовалось некоторое количество знакомых. Блатные из этого квартала держали практически весь центр Москвы.

Однажды мне позвонил мой тамошний дружок Женька и пригласил на день рождения. Надо сказать, что Женька вырос в серьезной, по местным меркам, семье. Отец – известнейший медвежатник, отдыхал в солнечном Коми, брат – гитарист, бабник и весельчак, недавно вернулся с лесоповала из-под Архангельска, где тянул срок за квартиру профессора Филимонова, а мой кореш два года «отпарился» за палатку по малолетке.

В те суровые годы судимых близко не подпускали к армии, поэтому Женька трудился подсобником на стадионе «Пищевик», совсем неплохо боксировал и имел уже второй разряд.

День рождения младшенького брат Женьки устроил по первому разряду. Стол ломился от закусок. Из ресторана «Астория» были присланы шницели по-министерски. Ну и, конечно, водка, портвейн, шампанское и пиво.

За столом весь уголовный цвет Вахрушинки. На почетном месте сидел дядя Миша. Самый авторитетный вор микрорайона Михаил Ключарев по кличке Мишка Ключ. Некогда знаменитый вор-домушник. Сроков у него было столько, что хватило бы на целую футбольную команду. Он уже отошел от дел. Жил на пособие от общака да на долю, которую ему отстегивали воры за разработку серьезных операций.

В хорошую погоду он располагался в Вахрушинском скверике, курил папиросы «Норд», следил за порядком во дворе и приветливо раскланивался со знакомыми.

Я поначалу его даже не узнал. За столом сидел человек в дорогом, хорошо сшитом сером костюме, с золотыми часами на запястье. Волосы были тщательно зачесаны на пробор и отливали оловянным цветом.

Когда все уселись, дядя Миша поднял рюмку, пожелал Женьке фартовой жизни. Все чинно выпили. Праздник начался. Но тут раздался звонок в дверь и появился участковый. Он торжествующе оглядел собравшихся и изрек:

– Все собрались.

Лихой народ не стал с ним спорить.

– А ты, Ключарев, опять воду мутишь, – продолжал участковый, – смотри, я тебя заберу.

– Ты, – прищурился дядя Миша, – чином еще не вышел. Меня на первую ходку сам Кандиано устраивал. А ты кто?

Участковый, пообещав всех отправить валить для страны древесину, ушел.

А дядя Миша, завалив очередную рюмку, с гордостью изрек:

– Меня только МУР забирал, но у МУРа совести хватит не портить людям праздник.

Он персонифицировал это серьезное подразделение милиции. Говорил о нем, как о живом человеке. Позже я узнал, что Валериан Кандиано был знаменитым муровским опером, погибшим от бандитской пули.

Московские воры гордились тем, что их задерживали сотрудники МУРа. Если тебя брала Петровка, значит, ты не сывка, а солидный блатарь. И это еще больше укрепляло авторитет серьезного урки.

Слава Московского уголовного розыска началась со знаменитого дела об ограблении Патриаршей ризницы в Кремле в январе восемнадцатого года. Правда, тогда эта служба называлась Московской уголовно-разыскной милицией.

Но это не меняет главного.

Об этом ограблении века писали и снимали фильмы достаточно часто. Но всегда забывали о человеке, практически раскрывшем это дело, о надзирателе Саратовской сыскной полиции Иване Свиткове.

Из ризницы были похищены изумруды, бриллианты, сапфиры, Евангелие 1648 года в золотом окладе с бриллиантами, Евангелие XII века, золотая чаша весом тридцать четыре фунта, драгоценные панагии, жемчуг. Оклады из золота и многокаратных рубинов. Короче, взяли на тридцать миллионов золотых рублей, по тем временам сумма астрономическая, на самом деле многие вещи были бесценными.

В Москве как раз развернулась кампания по увольнению из милицейского аппарата бывших полицейских. В уголовный розыск пришли матросы, рабочие, привлеченные романтикой гимназисты. О том, как ловить обнаглевших урок, они имели самые смутные понятия.

Я много читал документов и публикаций о том времени, где основной упор делался на то, что уголовно-разыскная милиция была укреплена членами ВКП(б), поэтому она так хорошо и работала. Но сыщик – это профессия, на которую партийность не влияет и которой только мешает.

А в Саратове все было как прежде. Местным розыском руководил опытный сыщик, гостиницы, трактиры, барахолки, малины были оперативно прикрыты, агентура давала ценные сведения, машина уголовного сыска работала так, словно никакой революции вовсе не было.

Поэтому Свитков и получил информацию, что двое перекупщиков пытаются продать крупную партию золота и драгоценных камней. Когда Свитков арестовал барыг, то с удивлением отметил, что все ценности явно церковного происхождения. Об ограблении Патриаршей ризницы он ничего не знал, так как сводка по этому делу в подразделения уголовного розыска республики не поступала, а была отправлена только в местную ЧК. Ну а там были слишком заняты борьбой с буржуазией, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Барыги сдали человека, продавшего им золото. Это был некто Самарин, проживавший в добротном доме неподалеку от центра.

Опытный сыскарь поднял старые донесения секретных сотрудников и выяснил, что дом этот приобрел известный московский вор Костя Полежаев по кличке Костя Фрак.

Полежаев был арестован, при обыске у него нашли много ценностей из Патриаршей ризницы.

Но в ту же ночь Полежаев в камере повесился.

Свитков связался с Москвой и узнал об ограблении века. Он с ценностями под надежной охраной выехал в столицу.

Константин Полежаев принадлежал к самой известной в Москве воровской семье. Его отец и три брата считались в уголовном мире России «иванами».

Свитков вместе с сотрудниками московского розыска накрыл в Краскове дом, в котором жил, естественно под чужой фамилией, младший из знаменитого воровского клана – Дмитрий Полежаев.

В доме нашли много похищенных из ризницы предметов и два драгоценнейших памятника культуры – Евангелия.

Но, безусловно, всего похищенного вернуть не удалось. Исчезли три самых крупных камня: черный алмаз, знаменитый рубин и огромный изумруд.

Эти камни начали жить своей отдельной, кровавой жизнью. Черный алмаз проявился в 1972 году. За него был выкуплен из тюрьмы и ушел от расстрела крупнейший грузинский теневик.

Владельцем его стал один из самых крупных партийных боссов тех лет.

Я не называю его фамилию только потому, что историю бриллианта рассказали мне друзья-сыщики, а документы по этому делу по сей день лежат в архиве на спецхранении.

Вот так получается. Весь расклад знаю, даже располагаю точными сведениями, в каком архиве лежат нужные мне бумаги, а получить их не могу, потому что ныне покойный кандидат в члены Политбюро и крупный политик был тем, кого можно смело назвать одним из отцов сегодняшней коррупции. А эти люди своих не сдают.

«Слово к делу не пришьешь», как говорят старые оперативники.

В четвертом классе мы начали изучать «Историю СССР». Была война, и учебников не хватало. Поэтому нам выдали старые книжки по истории, изданные в тридцатых годах. Учебники эти поразили меня своей таинственностью. В них черной краской были замазаны целые страницы текста, а вместо пяти фотографий зияли черные квадраты.

Как я ни пытался стирать эту краску, чтобы увидеть замазанные фотографии, мне это не удавалось.

Дома я спросил у матери, почему замазали картинки. Она ответила просто и доступно: «Так надо».

Через много лет я узнал, что загушевали портреты военачальников и политических деятелей, уничтоженных после многочисленных процессов тридцатых годов.

В 1970 году я начал собирать материал о МУРе во время войны. Мы сидели в квартире Игоря Скорина. Хозяин, Алексей Ефимов и я. Они рассказывали, а я записывал, потом мои друзья достали самое дорогое и интересное – старые фотографии. Я поглядел на них и вспомнил учебники моего детства. Лица некоторых людей были загушеваны черными чернилами.

– Этих ребят арестовали как врагов народа, – сказал грустно Скорин, – было негласное указание замазать их на групповых портретах.

– Пришлось, – со злой горечью пояснил мне Ефимов, – а то всех могли прихватить как пособников.

На одной из фотографий в центре сидел человек без лица с тремя ромбами в петлицах и орденом Красного Знамени.

– Леонид Давыдович Вуль, начальник МУРа, талантливый сыщик, – пояснил Скорин.

Леонид Вуль пришел в уголовный розыск из МЧК. Он работал в подразделении, занимавшемся борьбой с уголовной преступностью и бандитизмом.

Как я уже писал, возглавлял его легендарный человек Федор Мартынов. У него был подлинный оперативный талант, и людей он подбирал в свою службу штучных.

Такое подразделение в ВЧК – ОГПУ было просто необходимо, так как уголовный розыск в республике находился в стадии становления. Впрочем, как и весь милицейский аппарат страны.

Деньги милиционерам платили смешные, пайки были скудными, поэтому на службу в РКМ приходили случайные люди.

Как ни странно, чекисты за такую же работу получали намного больше. Так что взаимный антагонизм сыщиков уголовного розыска и их коллег с Лубянки возник еще в далекие годы Гражданской войны.

Вуля отправили на работу в МУР с формулировкой «на укрепление руководящих кадров». Он пришел в дом номер 3 на Большом Гнездниковском, где тогда помещался МУР, и очень много сделал для правильной организации работы этого сложного подразделения.

Надо сказать, что в те годы уже сложился костяк московского сыска. Ушли случайные люди, отправлены были «на этап» жулики и взяточники. МУР стал элитной милицейской службой.

Вуль часто бывал в Кремле, докладывал лично Сталину о состоянии преступности в стране.

В тридцать третьем году была ограблена квартира одного из самых крупных партийных деятелей. Вполне естественно, что раскрытием преступления занялись люди из госбезопасности. Но у них, занятых подготовкой будущих громких процессов, ничего не получалось.

Сталин лично поручил Вулю заняться этим делом и дал неделю срока. МУР раскрыл дело в течение пяти дней. Сталин вызвал Вуля, поблагодарил его и назначил начальником московской милиции.

– Кого вы рекомендуете на свое место? – спросил вождь сыщика.

– Виктора Николаевича Овчинникова.

Сталин одобрил эту кандидатуру.

Если бы Леонид Вуль знал, как повлияет его рекомендация на судьбу его заместителя, он наверняка бы не назвал эту фамилию.

У Лубянки хорошая память. Вулю не простили, что он со своими оперативниками, раскрыв дело об ограблении соратника великого вождя, не поделился славой с людьми Ягоды. Его арестовали и приговорили к высшей мере.

В 1936 году в городе Мелекесе Куйбышевской области была убита заслуженная учительница Мария Пронина, делегат VIII чрезвычайного Всесоюзного съезда Советов, член редакционной комиссии съезда. На этом съезде принималась сталинская конституция. Поэтому смерть Прониной немедленно связали с происками врагов народа.

Дело вели местные сотрудники, а под политическую версию забили камеры тюрьмы родственниками и знакомыми людей, арестованных как члены троцкистско-зиновьевского заговора. Но дело так и не было раскрыто. Тогда «железный нарком Ежов» поручил его Московскому уголовному розыску. Оперативную группу возглавил начальник МУРа старший майор милиции Виктор Овчинников. В нее вошли лучшие московские сыщики, среди них были Георгий Тильнер, Николай Осипов, Алексей Ефимов, Иван Свитков, поднявший дело Патриаршей ризницы.

Им предстояло найти убийцу учительницы Прониной.

Вводя своих сотрудников в курс дела, начальник МУРа не рассказал о личном указании Ежова преподнести это убийство как политическое. Овчинникову было ясно, что к принятию сталинской конституции это дело никакого отношения не имеет.

И хотя великий вождь заявил, что жить стало лучше, жить стало веселей, в стране не хватало продуктов, мануфактуры. Люди получали нищенскую зарплату, а за ударный труд поощрялись ордерами на галоши и отрезы ситца. А по Москве гуляла новая частушка: «Жить стало лучше, стало веселей, шея стала тоньше, но зато длинней».

Пронина получила в Москве довольно крупную сумму денег, купила много вещей в спецмагазине. Безусловно, это не могло не привлечь к ней внимания преступников.

Уголовная версия оказалась самой верной. Московские сыщики арестовали «ночного царя» Мелекеса бандита Розова и его подельников – уголовников Федотова и Ещеркина.

Оперативники МУРа за раскрытие сложного преступления были награждены орденами. Арестованных «троцкистов-зиновьевцев» выпустили из тюрьмы. Масштабного заговора против сталинской конституции не получилось. И этого Ежов не простил Овчинникову.

Рекомендовал его на должность начальника враг народа Вуль, да и во время Первой мировой войны он был старшим унтер-офицером (по-нашему – старшим сержантом), а главное, его сестра была когда-то замужем за поляком, ныне живущим в Варшаве.

Так появилось на свет дело «польского шпиона Виктора Овчинникова». Ведь только агент империалистической разведки мог не заметить, что дело об убийстве делегата съезда Советов – политическое.

Виктор Овчинников был расстрелян по приговору Особого совещания.

В те же годы арестовали и вынесли смертный приговор первому начальнику МУРа Александру Трепалову, его обвинили в покушении на жизнь самого товарища Сталина.

В 1970 году произошло «знаменательное» событие в жизни страны. Правда, широкие массы строителей социализма об этом ничего не знали. А напрасно. Событие это влияло на жизнь простых граждан значительно больше, чем очередной съезд КПСС.

В прелестном зеленом Киеве, на берегу Днепра состоялся очередной сходняк. Воры в законе решали, как им жить дальше.

Воровские понятия, созданные в сталинском ГУЛАГе, больше не отвечали требованиям эпохи. Теневая экономика и спекуляция стали более прибыльным делом, чем воровство.

На «съезде» было разрешено ворами крышевать подпольные цеха, если нужно – иметь дела с ментами и администрацией. Москву на сходняке представлял знаменитый московский вор Анатолий Черкасов по кличке Черкас. Так теневой бизнес стал заботой воровского сообщества. Воры объединились с цеховиками, местной властью и некоторыми милиционерскими чинами.

На огромные деньги, полученные от подпольного производства, покупалось расположение самых высоких чиновников страны. Бороться с этим должна была служба БХСС, но, мягко скажем, у нее это не всегда получалось.

Отслеживать нарождающуюся коррупцию председатель КГБ Юрий Андропов поручил специально созданному подразделению.

МВД при Николае Щелокове окрепло и стало мощной государственной структурой.

И вот на борьбе с нарождающейся коррупцией столкнулись интересы двух могучих ведомств, а проще сказать, амбиции Юрия Андропова и Николая Щелокова.

Открытая конфронтация началась 26 декабря 1980 года, когда на станции метро «Ждановская» пьяными милиционерами был убит заместитель начальника секретариата КГБ СССР, майор госбезопасности.

После убийства тело на машине начальника 5-го отделения по охране метрополитена вывезли в район поселка Пихорка и бросили у дороги. По этому делу была создана специальная следственная группа, которую возглавил знаменитый следователь по особо важным делам Владимир Калиниченко.

Об этом писали много и даже сняли художественный фильм «Убийство на „Ждановской“», поэтому я не буду пересказывать, в каких условиях велось следствие.

Люди Щелокова делали все, чтобы помешать Калиниченко. В ход шли шантаж, угрозы, обещания быстрой карьеры. Но все же убийцы сотрудника госбезопасности Лобов, Лоза, Самойлов, Емешев, Панов и Баринов были арестованы. Их допрашивали следователи КГБ в Лефортове. Но для того, чтобы навсегда дискредитировать милицию в глазах руководства партии, одного случая было недостаточно. В разборку двух руководителей мощных карательных структур втягивали все новых и новых работников милиции и, естественно, МУРа.

Начальнику 4-го отдела полковнику Алексею Сухареву позвонил известный московский адвокат и сказал, что его подследственный хотел бы с ним встретиться. Адвокат защищал крупного мошенника, сидевшего в Лефортове, внутренней тюрьме КГБ.

Сухареву было не до встреч с раскаявшимися фармазонщиками. Его отдел в просторечии назывался «бандитским» и занимался крупными грабежами и разбоями.

Совсем недавно он со своими людьми обезвредил самую жестокую банду – Корькова по прозвищу Монгол. Но часть бандитов оставалась на свободе, и руководил ими умный и отважный бывший боксер Вячеслав Иваньков по кличке Японец.

Кстати сказать, именно Алексей Сухарев со своими операми отправил «на этап» этого опасного преступника. Так что не до встреч с арестованным КГБ мошенником было полковнику Сухареву.

Но через некоторое время мошенник сам позвонил ему и попросил о встрече.

На скамеечке Рождественского бульвара Алексей Сухарев услышал весьма занятную историю. Оказывается, его собеседник сидел в одной камере с милиционерами – убийцами со станции «Ждановская», и следователи давили на них, чтобы они дали показания на заместителя начальника ГУВД генерала Виктора Пашковского и начальника МУРа как на организаторов убийства сотрудника КГБ.

Когда перепуганные сержанты отвечали, что они таких высоких начальников в глаза не видели, следователи показывали им фотографии и предлагали опознать их на очной ставке.

КГБ основательно взялся за МУР, особенно за отдел Сухарева. Именно там пересекались интересы Лубянки и Петровки. Этот отдел занимался ворами в законе и крупными уголовными авторитетами, напрямую связанными с теневым бизнесом страны, которым так интересовались люди Андропова.

Вполне естественно, что, держа под постоянным оперативным контролем крупных воровских авторитетов, Комитет госбезопасности получал необходимую информацию.

Одним из объектов наружного наблюдения был знаменитый московский вор Черкас, и вдруг в КГБ узнают, что старший опер 4-го отдела Николай Степанов разрабатывает уголовного авторитета как фигуранта по крупному делу. Более того, Степанов привлек за организацию преступления еще одного авторитета, ныне, кстати, крупного банкира.

Все это напрочь ломало выстроенную КГБ схему. И как до сих пор уверены ребята из МУРа, тогда и возникло дело, что работники отдела Сухарева через агентов дают наводки на богатые квартиры и потом берут воров с поличным.

Старшего опера Николая Степанова арестовали. Он сидел в Лефортове. Много месяцев провел в одиночной камере, но не пошел на сговор с кагэбэшниками. Следователи с Лубянки не сломили его.

Прав был Софрон Ложкин: «МУР есть МУР».

Николая Степанова полностью реабилитировали, он получил жалованье за все месяцы отсидки, его восстановили на работе и присвоили очередное звание.

А что же с теми, кто шил ему статью?

Да ничего. Они спокойно ушли на пенсию и работают в коммерческих структурах. Они даже не извинились перед офицером милиции.

Разбирая свой архив, я нашел фотографию, сделанную в июне 1960 года в парке «Сокольники».

На ней я и ребята из МУРа за большим столом, уставленным пивными кружками.

Как хорошо, что больше я никогда не увижу лица на фотографиях, замазанные черной краской.

А может быть, увижу?

Огонь на поражение

Жара. Мы только что выкупались в Доне. На несколько минут стало легче. Но ненадолго. Уходим в маленький летний домик с двумя террасами. В зависимости от движения солнца на одной – всегда тень.

Сидим на террасе, пьем зеленый чай. Дачный поселок будто вымер. Жара придавила людей. И только на соседнем участке мужик в пестрых трусах по колено, последнем достижении местного кооперативного движения, обстругивает рубанком шершавую доску. Дом у него основательный, зимний, обшитый покрытыми лаком досками.

Кажется, что жара не действует на него. Он работает споро, рубанок идет ровно, золотистая стружка, завиваясь, падает на землю.

– Видишь этого мужика? – спросил хозяин дома Володя. – Бывший исполнитель.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Знаю.

– А почему бывший?

– Отказался расстреливать работяг из Новочеркасска, которым в 1962 вышку вlepили.

– Ну, отказался, а что дальше?

- Выгнали, из партии исключили.
- Откуда сведения?
- Серьезные люди говорили.

Я промолчал, но позволил себе усомниться. Людей, приводящих в исполнение приговор, в лицо знало ограниченное число сотрудников МВД и КГБ, которые об этом не распространялись. Даже прокурор, присутствующий при расстреле, не мог видеть их закрытые маской лица.

Поэтому я просто не поверил своему приятелю. Но история эта имела определенное продолжение.

Через пару дней меня пригласили на вечернюю прогулку на речной плаведнице, имевшей праздничное название «Салют».

Каково же было мое изумление, когда я увидел соседа моего товарища, командовавшего этим увеселительным судном.

Ночью от Дона пришла свежесть, мы курили с ним на корме, и я напрямую спросил его, был ли он исполнителем.

- Кто вам сказал? – рассмеялся он.
- Сосед ваш.
- Господи, дивны дела твои, чего только не говорят обо мне в поселке.
- А правда-то есть?

– Есть, я действительно после окончания речного училища по комсомольскому набору попал в школу КГБ. Стал следователем. А в 1962 году отказался вести дело одного из участников беспорядков в Новочеркасске.

– Ну и что?

– Разжаловали, выгнали из партии, уволили из органов. Еле устроился помощником на буксир. Отходил на нем положенное время. Ну а теперь получил под команду этот плавающий бардак. Перестройка, новое мышление.

– Давайте поговорим о Новочеркасске.

– Не хочу, – жестко ответил мой собеседник. – Не обижайтесь. Я ничего рассказывать не буду.

Я кое-что знал об июньских событиях 1962 года в Новочеркасске. Рассказал мне о них случайно встреченный участник тех трагических событий.

Лабытнанги. Лабытнанги. Огромное количество градусов северной широты. Самые суровые исправительные учреждения строгого и особого режима. Урки отматывали срока на зонах в этом солнечном краю, потом ходили в героях на блатхатах и малинах.

Вместе с «хозяином зоны», так называют начальника ИТК ээки, входим в охраняемый периметр. Контролеры, несмотря на то что я иду с подполковником, тщательно сверяют мои документы со списком, лежащим под стеклом на столе, и задают стандартный вопрос:

- Оружие?
- Не имею.
- Проходите.

Решетчатая дверь неохотно пропускает меня «на зону» и торжествующе захлопывается за спиной.

– Пойдемте в мастерские, – говорит подполковник, – у нас там сувенирный цех организован, делаем всякие симпатичные поделки. Их не только Салехард покупает, но и московский Интурист. Повезло нам, семь лет назад мастера – золотые руки этапом пригнали.

- За что сидит?
- По семьдесят девятой.
- Бандит?

– Да какой он бандит. Дали двенадцать лет, без пересмотра, за новочеркасские события. Мы входим в длинный, хорошо освещенный цех. Отдельные столы-верстаки, за ними люди в синих халатах. Такое впечатление, что попал не в колонию, а на московский часовой завод.

В углу, под яркой лампой, высокий человек лет пятидесяти работал на миниатюрном токарном станке.

– Сам сделал станок черт знает из какого хлама. К нам комиссии всякие приезжают, смотрят на оборудование цеха и не верят, что такое можно сделать из груды лома, что на свалке валяется. Золотые руки. Здравствуйте, Алексей Фомич.

Человек повернулся, снял защитные очки и ответил совершенно по-вольному:

– Доброго здоровья, Петр Николаевич.

Он пожали друг другу руки.

Потом начался чисто профессиональный разговор о ремнях для трансмиссии, нехватке моржового клыка и олова, о структуре каких-то пиломатериалов.

Когда мы вышли из мастерской, я сказал начальнику колонии, что хотел бы написать об этом человеке.

– Не разрешат, дорогой вы мой. Не разрешат. Впрочем, я знаю, что вас интересует, и разрешу вам побеседовать в библиотеке КВЧ.

Алексей Фомич пришел в назначенное время. Был он все в том же синем халате (чудовищная вольность для заключенных в жилой зоне), аккуратный, больше похожий на заводского мастера, чем на зэка.

Разговор начался обычно. Я расспрашивал, как удалось создать эти чудо-станки. Алексей Фомич отвечал охотно, даже рисуясь немножко. Вот, мол, мы какие, настоящие работяги. Из дерьма можем вещь сделать.

– А где вы работали раньше?

– В Новочеркасске, на электровозостроительном заводе.

Он посмотрел на меня изучающе и спросил:

– Хотите знать, что случилось в нашем городе?

– Хочу.

– Тогда слушайте. Только помните, что об этом лучше ничего не знать.

Мы говорили положенные два часа. Попрощались.

Я уехал из колонии в Салехард. В гостиницу приехал ночью, утром пошел завтракать в буфет, а вернувшись в номер, не нашел своего блокнота, в котором записал беседу с Алексеем Фомичом, вообще не нашел ни одного клочка бумаги, даже письма из Москвы от моей девушки, полученного на почтамте Котласа.

Тогда все обошлось. Но через год, в Тургае, после встречи с помощником опального Маленкова, у меня опять пропадет блокнот и начнется затяжной период, мягко говоря, неприятностей, который продлится несколько лет. Не знаю, в чем была причина – в моих встречах с определенными людьми или в лихом образе жизни. Не знаю. Но дерьма я нахлебался по полной программе.

...В поезде я по памяти восстановил беседу и необходимые для работы над очерком материалы. Правда, кое-что пришлось уточнять из Москвы по телефону, но это уже мелочи.

Итак, Новочеркасск. Июнь 1962 года.

Я хорошо помню этот день, потому что именно тогда мы все с чувством глубокого удовлетворения узнали, что по просьбе трудящихся ЦК КПСС и Совмин СССР повысили закупочные и розничные цены на мясо, мясные продукты, молоко и молочные продукты.

В моей коммуналке известие это было встречено трагически. Демонстрация собралась на кухне, и участники ее единодушно осудили меня, как журналиста, не защищающего интересы трудящихся.

На следующий день ребята из МУРа под большим секретом поведали мне, что на улице Горького и в Черемушках на стенах домов расклеили листовки с призывом к забастовке.

Но в Москве ничего не случилось. Люди по-прежнему ходили на работу, матерно ругая Хрущева и вспоминая Сталина, ежегодно снижавшего цены.

Вместе с мудрым постановлением о повышении цен на предприятиях снизили расценки на тридцать процентов. Вот этого рабочие в Новочеркасске стерпеть не смогли.

На заводе имени Буденного рабочие самовольно бросили работу и собрались у литейного цеха. Навести порядок решил директор предприятия Курочкин, пьяница и весьма жестокий человек.

Он начал грозить, обматерил собравшихся и произнес историческую фразу о том, что, если не хватает денег на мясо, жрите пирожки с ливером.

Вот это и довело рабочих до белого каления.

После обеда на завод приехал первый секретарь Новочеркасского горкома КПСС Басов. Он с балкона заводоуправления начал убеждать озлобленных рабочих, что мудрое постановление ЦК КПСС принесет им небывалое процветание и благополучие.

Этого народ не выдержал и забросал местное начальство кусками железной арматуры.

Потом здание заводоуправления было захвачено забастовщиками, портрет Хрущева, висевший на фасаде, сброшен и растоптан.

Вместо него повесили найденную на помойке дохлую кошку и рядом с ней лозунг: «При Ленине жила, при Сталине сохла, при Хрущеве сдохла».

Хрущев узнал о событиях в Новочеркасске во время благостного посещения вновь открытого Дома пионеров на Ленинских горах.

Я помню сусально слащавую кинохронику этого посещения. Вождь радостно брал на руки специально отобранных пионеров из номенклатурных семей, получал цветы и рисунки, одаривал пацанов конфетами.

К сожалению, кинохроника не запечатлела тот момент, когда лидер советских коммунистов, выслушав сообщение, побагровел, связался по телефону с председателем КГБ Владимиром Семичастным и заорал:

– Пресечь!

Пресекать в Ростов вылетел Анастас Микоян, секретарь ЦК КПСС Фрол Козлов и два зампреда КГБ Захаров и Ивашутин.

Надо сказать, что, за исключением мягкосердечного Анастаса Микояна, все остальные были проверенные партийные бойцы, готовые выполнить любое указание любимого вождя. Владимир Семичастный остался в Москве, возглавив некий штаб по пресечению народного гнева.

Командующим Северо-Кавказским военным округом был весьма боевой генерал армии Исса Плиев. Солдат, весьма далекий от политики, но исполнительный служака.

Еще до приезда карательной экспедиции из Москвы он приказал мотострелкам на БТР разогнать забастовщиков и занять завод. Но ни офицеры, ни солдаты не стали разгонять рабочих. Покричали, поругались и выдвинулись за пределы города.

Ночью Козлов передал командующему приказ Хрущева ввести в город танки. Это переполнило чашу терпения. К стихийному выступлению рабочих завода имени Буденного присоединился почти весь город. Танки на улицах наглядно показали людям, как власть относится к их нуждам.

Второго июня огромная демонстрация двинулась по Московской улице в сторону горкома партии. Люди несли портреты Ленина, пели «Смело, товарищи, в ногу».

Для того чтобы попасть в центр, нужно было пройти через мост, заставленный бронетехникой. И колонна миновала его, солдаты не предприняли никаких попыток остановить рабочих.

Итак, к центру шла демонстрация. Узнав, что рабочие миновали танковую колонну, вожди из центра спешно покинули здание горкома и скрылись в военном городке.

Несмотря на требования рабочих, Анастас Микоян и Фрол Козлов не решились с ними встретиться.

Москва дала команду открыть огонь на поражение.

Мой товарищ Миша Ишутин, замечательный журналист, погибший в 1993 году у Белого дома, в то время командовал пулеметной ротой. Ему приказали установить РП-46 на чердаках домов по Московской улице. Он выполнил приказ, только не взял боезапасы. Поэтому мирную демонстрацию и не скосили пулеметным свинцом.

Его за это уволили из армии, чему он был несказанно рад, променяв пулемет на авто-ручку.

В середине дня в город прибыла спецбригада под командованием генерала Олешко.

Первый залп был в воздух, второй на поражение.

На площади осталось лежать двадцать пять человек.

В Лабитнанги, на зоне, кадровый рабочий рассказывал мне:

– Во время следствия подполковник КГБ Щебатненко из Москвы сказал мне, что, стреляя по рабочим, солдаты выполняли волю партии, а значит, и волю народа. А я ответил ему, что в партию вступил под Сталинградом, работал всю жизнь честно и на демонстрацию вышло много коммунистов. Так что же такое воля партии? Он послал меня матом и пообещал сгноить в лагере.

И наступил звездный час Семичастного. Сто сорок лучших оперов и следователей были отправлены на юг для работы по выявлению империалистической агентуры.

Чекисты работали споро и слаженно. Уже 14 августа начался первый открытый процесс (открытый, естественно, для партактива).

Судили людей не по статье 79-й УК РСФСР за массовые беспорядки, так как она не предусматривала высшую меру наказания, а по 77-й – за бандитизм.

Семь смертных приговоров вынес суд.

На стол Хрущева легла справка заводделом пропаганды и агитации бюро ЦК КПСС Степакова, что народ радостно встретил суровый приговор, вынесенный распоясавшимся бандитам.

Председатель КГБ Семичастный жал на прокуратуру и суд, требуя увеличить число смертных приговоров.

У нас много говорят и пишут о периоде массовых репрессий, напрочь забывая, что творил верный ленинец Никита Хрущев. Сурово подавленные волнения в Краснодаре в 1961-м, беспорядки в Муроме и Александрове, бунт в Бийске 25 июня 1961 года и, наконец, Новочеркасск.

И во всех карательных мероприятиях ведущая роль отводилась бывшему секретарю обкома ЛКСМ Украины Владимиру Семичастному.

Никита Сергеевич приметил его еще на Украине. Повысил, сделал первым секретарем ЦК комсомола Украины. В 1949 году Хрущев уезжает командовать МК ВКП(б) и тянет за собой Семичастного, пробив его на должность секретаря ЦК ВЛКСМ.

После ухода Шелепина в ЦК КПСС Семичастный ненадолго возглавил советский комсомол.

На этой должности он оказал неоценимую услугу Хрущеву. 29 октября 1958 года на пленуме ЦК ВЛКСМ Семичастный обрушился на Бориса Пастернака. Он громил роман «Доктор Живаго», кричал, что Нобелевская премия не что иное, как плата за предательство. Самое мягкое определение великого поэта было «поганая овца».

Надо сказать, что роман комсомольский вождь не читал, а зубодробительный текст написал ему главный редактор «Комсомольской правды» зять Хрущева Алексей Аджубей, который в годы перестройки напялит на себя ризы страдальца за демократию.

Выступление своего выдвиженца Хрущев оценил. Семичастного забрали в ЦК КПСС, поставив руководить ключевым отделом партийных органов.

Но и на этом посту Владимир Семичастный пробыл недолго. По протекции Александра Шелепина, бывшего председателя КГБ, ставшего секретарем ЦК КПСС, он возглавил самую авторитетную спецслужбу мира.

В КГБ Владимир Семичастный принес все самое худшее, что было в комсомоле и в партии. На прежних постах он прославился как неподражаемый мастер аппаратных интриг.

Одну, самую главную в жизни, он начнет вместе со своим другом Александром Шелепиным. Но это будет не просто аппаратная возня, а полномасштабный заговор.

Александр Шелепин в те годы станет заметной фигурой в политической жизни. А ввиду того что эта самая жизнь заключалась в основном в уничтожении соратников по строительству коммунизма, то в ней он преуспел необычайно.

Председатель КГБ был одним из главных приводных ремней интриг Железного Шурика, как «ласково» звали его товарищи по Старой площади.

Шелепин не любил Хрущева. И хотя он прекрасно знал, что разоблачения Сталина были для Хрущева вынужденной мерой, борьбой за свою личную безопасность, он жестоко осуждал его за это.

Шелепин хотел восстановить еще более жесткий диктат КПСС над измученной хрущевскими новациями страной.

Безусловно, у Семичастного положение было не простым. Он должен был предать своего благодетеля. Именно Хрущев вытянул обычного комсомольского аппаратчика из неизвестности и сделал крупным партийным деятелем.

Но заговор Шелепина поддержали министр обороны маршал Малиновский, Брежнев и Микоян и даже осторожный Сулов. И Семичастный, прикинув все, решил предать Хрущева.

Не думаю, что Семичастный колебался, принимая решение. Механизм предательства прост и незатейлив и определяется количеством сребреников.

Переворот произошел, но не Шелепин стал первым лицом. Его слишком боялись соратники. Генсеком избрали Леонида Брежнева, человека веселого и незлобивого.

Команда Шелепина надеялась разобраться с ним в течение года. Но Леонид Ильич, несмотря на всю кажущуюся мягкость, имел огромный опыт аппаратной борьбы.

Предательство никому не шло на пользу, и Семичастный загремел на Украину зампредом тамошнего Совмина.

Уйдя на пенсию, он давал интервью, рассказывал о том, как боролся за чистоту партийных рядов.

Его спрашивали о заговоре против Хрущева, о Шелепине.

Он охотно отвечал.

Только никто не спросил его о Новочеркаске, об убитых на площади и расстрелянных в спецкамерах.

* * *

Я смотрю старую кинохронику, отбираю кадры для телепередачи. Куча стариков, сидящих в президиуме. Сейчас они мне кажутся смешными и не опасными.

Это сейчас. А ведь не так давно именно они санкционировали огонь на поражение.

Как же не хочется, чтобы все повторилось.

Но в нашей стране мы не застрахованы ни от чего. Вспомните осень 1993 года. Кто дал тогда команду «Огонь на поражение!»?

Ночь на краю света

Январь 1963-го в Целинограде был холодным и вьюжным. У касс «Аэрофлота» в гостинице «Ишим» я встретил собкора КазТа по целинному краю Володю Шевченко, он летел в Алма-Ату за очередными ценными указаниями.

– Ты куда? – спросил он меня.

– В Тургай.

– На край света, значит, – усмехнулся Володя.

Я очень хорошо помнил копию старой гравюры из учебника географии для пятого класса. Монах добрался до края света, просунул голову в небесный свод и с интересом наблюдает за тем, что происходит по другую сторону.

Но мы с младых ногтей были материалистами и знали, что земля круглая, поэтому встречи с прекрасным на «краю света» я не ожидал.

Да и добраться до него было нелегко. В Кустанае в инстанциях мне объяснили, что поезда туда не ходят, а автомобильное сообщение прервано из-за заносов, остается один путь – воздухом.

В аэропорту дежурный, улыбчивый парень в летной вытертой куртке, доходчиво объяснил мне, что облачность низкая, в полетном коридоре снежные заряды, поэтому борты на Тургай не ходят.

Но все-таки некая магия редакционного удостоверения сделала свое дело, в те годы к журналистам относились с опаской и почтением, и дежурный поведал мне, что на «край земли» идет один борт спецрейсом.

– Вы сами-то откуда будете?

– Из Целинограда.

– Да нет, живете вы где?

– В Москве.

– Земляк, – обрадовался дежурный.

Выяснилось, что он с Лесной, окончил Егорьевское училище ГВФ, прибыл сюда по замене кадров на два года и считает дни до отъезда домой.

Мы поговорили о Москве, с тоской вспомнили пивбар «Прага» в Парке культуры и еще много замечательных московских мест.

– Я тебе постараюсь помочь, через час спецборт идет на Тургай, может, уговорю пилота.

Мы вышли на летное поле. Следы заметала поземка, небо, мрачное, как жизнь, низко висело над взлетной полосой; казалось, подними руку – и коснешься темных облаков.

Вдалеке прогревал моторы небольшой Як с красным крестом на борту.

– Санавиация? – спросил я.

– Угу, – ответил мой спутник.

– Врачей везут?

– Можно и так сказать, – усмехнулся дежурный.

Мы подошли к машине. Пилот уже прогрел моторы.

Дежурный замахал руками, и пилот вылез из кабины.

– Слышь, Коля, – сказал мой благодетель, – возьми корреспондента на Тургай.

– Я что, – развел руками Коля, – я со всей душой. Только сам знаешь, кто здесь командует. Попробую уговорить.

Через несколько минут из самолета выглянул казах явно руководящего вида, в овчинном тулупе, накинутом на синее номенклатурное пальто с серым каракулевым воротником.

– Документы, – со знакомыми интонациями распорядился он.

Я протянул ему свое удостоверение, в котором было обозначено, что я – заведомом краевой комсомольской газеты.

Наверное, нигде в СССР не любили так должности, как в цветущем Казахстане. Чин «завотделом» заставлял задумываться национальных начальников.

Пока непроницаемый казах задумчиво сверял мою фотографию с оригиналом, из самолета выпрыгнул некто в кожаном пальто и пыжиковой шапке.

Он посмотрел на меня веселыми смеющимися глазами, взял у казаха удостоверение, мельком глянул и протянул мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.